

ВЛАДИМИР КОЗЛОВ

Кофе от баронессы Кюцберг

ГОРЬКОЕ МОЛОКО – 4

Владимир Козлов

**Кофе от баронессы
Кюцберг. Горькое молоко – 4**

«Издательские решения»

Козлов В.

Кофе от баронессы Кюцберг. Горькое молоко – 4 / В. Козлов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-907302-0

Козлов Владимир, «Кофе баронессы Кюцберг», книга из серии «Горькое молоко», рассказывает о Вовке Колчаке, о его сложных отношениях с работниками милиции и близких отношениях с его бывшей учительницей Ларой и одноклассницей Надеждой, которая, как после окажется, являлась его близкой родственницей.

ISBN 978-5-44-907302-0

© Козлов В.
© Издательские решения

Содержание

Кофе от баронессы Кюцберг	6
Прерванные воспоминания	6
Привет прекрасная Радуга	10
В Западне	17
Поп – Арт для ментов	27
Преломление любви	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Кофе от баронессы Кюцберг Горькое молоко – 4

Владимир Козлов

© Владимир Козлов, 2018

ISBN 978-5-4490-7302-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Кофе от баронессы Кюцберг

Прерванные воспоминания

Иван Романович Беда сидел на своём любимом столбике, продолжая листать события давних лет. Этот столбик он для себя называл островком воспоминаний Ямал. Он вспомнил, как в этот день появились на свет Катя и Софья. Ещё три года он поиграл за команду, но семья и работа отнимали много времени и, ему пришлось оставить футбол. Старший сын Альберт был на год старше своих сестёр и больших хлопот уже не причинял. А вот племянник Сергей, носивший его фамилию, и которого сестра Клавдия воспитывала одна, придавал достаточно забот всей родне. Футбол он по рекомендации врачей забросил, перешёл на борьбу, но главным увлечением его была улица и конечно книги. Иван неоднократно разговаривал с племянником и вроде он его понимал, но обстоятельства заставляли Сергея принимать решения по своему усмотрению. Воспитание – воспитанием, но работа всех больше забирала времени. И всё – таки Сергея где – то не усмотрели, один раз был осужден на три года, теперь пять лет дали. Сейчас Сергею уже за сорок и воспитатели ему не нужны.

Иван Романович после окончания школы мастеров продолжал трудиться на своём родном заводе начальником участка. Работа была ответственная, и когда намечалось спускать на воду очередное судно, он неделями пропадал на заводе. Его тогда все уважительно называли Иван Романович, а близкие Иваном.

Сергей Беда был младше дядьки на одиннадцать лет и называл его только по имени. Их отношения скорее носили родственно – дружеский характер. А главное совместное хобби было у них голуби.

Иван любил голубей и свою страсть передал Серёжке.

В их голубятне Серёжка в хламе найдёт золотой брегет – подарок Часовщика. Брегет лежал в старом чугунном утюге, куда его спрятала Манана. Он тогда в этот же день хронометр переложил в шкатулку. Но Манана вновь спрятала его, но уже в спортивный кубок, который был намертво прикреплен к полке на балконе. Сегодня прогнившая полка упала вместе с кубком, в котором лежал брегет, спрятанный в детскую меховую варежку. Мелочь, но приятно. Приятно то, что стало символической в один и тот же день обретать вновь своей утратой.

И вновь у Ивана Романовича в голове что – то щёлкнуло, и страницы истории перенесли его в настоящее время.

...То, что брегет ему вернула милиция, никто об этом не знал. Он ни своему другу Лёне Савельеву – покойному, ни Часовщику не рассказывал, что лейтенант Ситнов возвратил ему брегет в день рождения Софьи и Катерины. Он одно время хотел его продать, – чтобы избавиться от плохой памяти, но голос разума ему подсказывал, что этому брегету есть хозяин из рода Тургеневых. Это был Вовка Колчин, бегавший когда – то по двору с мячом его племянник, родной сын сестры Клавдии и брат Сергея Беды.

«Он единственный законный наследник остался в нашем городе, – думал Иван Романович. – Все разъехались жить за границу. Живёт в городе один столетний Василий Николаевич. Да и ни к чему ему эта диковинка. А Вовке на ноги надо вставать. Парень женился, работает. Пять дней назад в университет поступил на заочное отделение. Явно в тюрьму назад видимо не собирается».

Пока часы лежали в кубке, за это время прошло много изменений в стране, рухнула могущественная страна СССР, – раздробившись на дольки словно мандарин. Убрали с новых географических карт Горький и Куйбышев, вернув им старые исторические названия Нижний Новгород, и Самара.

С Самарой у него были связаны плохие воспоминания о часах. Пока он не видал их то и воспоминаниям не предавался.

А сегодня Ивану Романовичу этот брегет взбудоражил всю его память. И он уже планирует, что с ним сделать и естественно наплывали мысли неприятного прошлого.

В этот миг Иван Романович не подразумевал, что золотой брегет ему аукнется ещё раз. И принесёт много хлопот всей его родне.

Сидя на своём островке, он принял твёрдое решение, – на Новый год подарить брегет племяннику Вовке Колчаку.

– Иван Романович, ты всё на своём Ямале сидишь? – раздался голос за его спиной.

– Это ты Ирина Ильинична, сзади пугаешь меня? – обернулся он. – Всё молодиться, – сказал ей Беда.

– А что мне, я ещё замуж мечтаю выйти. Хочешь, за тебя пойду?

– А куда я Манану дену? Да и куда тебе замуж. Ты, когда кашляешь или чихаешь, у тебя вставные челюсти вываливаются изо рта. А у меня все зубы свои. Не было бы Мананы, я естественно себе молодку нашёл с аппетитным багажником. А у тебя попка, как у узницы Бухенвальда. Одни слёзы, самому плакать хочется.

– Когда спину некому растирать меня зовёшь, ни на попу, ни на зубы не смотришь. Ты забыл, какая я в молодости фартовая Крынка была? Вань, при нашей жизни беззубых жён выгодно содержать, они меньше едят, на зубную пасту не надо тратиться, а главное никогда не укусят. И насчёт багажника ты не прав. Он у меня как у балерины Майи Плисецкой. Как ляжешь со мной в постель тогда поймёшь, разницу между мной и досей из хлева. Я мало кушаю, поэтому миниатюрно сложена. И ещё я по утрам наклоны делаю, по пятьдесят раз, – пояснила она.

– Ничего себе, сразу стакан? – удивился он.

– При чём тут стакан? – спросила она.

– В твоём возрасте каждый наклон, лишняя капля в трусах, а пятьдесят наклонов, это целый стакан. И ты мне про себя не говори, я знаю твои аппетиты. Раньше свинину терпеть не могла, а сейчас, если даже ты челюсти в стакан положишь, то будешь рычать от разыгравшегося аппетита, но чушку всё равно одними дёснами прикончишь.

– Ты чего Иван Романович, какой злой сегодня? – Спина опять болит? – спросила она. – Манана ещё не приехала с Канады?

– Манана до сентября будет гостить у детей. И никакой я не злой, у меня наоборот праздничное настроение. Жду Колчака Вовку, он мне сюрприз какой – то обещал сделать.

У нас сегодня с ним праздник, – день физкультурника. Парад ветеранов спорта на Спартаке прошёл. Из футболистов я был самый молодой. А самый старший Миша Тарбеев. Он в футбол начал играть, когда мячи шили наши местные сапожники. Девяносто лет, а бодрячком держится. Знамя на параде нёс как пушинку.

Он с ног до головы осмотрел Ирину:

– Садись, не стой, – показал Иван, Ирине на пустующий рядом столбик, – я тебе сейчас что покажу.

Ирина села, поставив возле себя пакет с продуктами.

– Вон видишь мой подъезд, – показал он ей рукой.

– Да я его каждый день почитай вижу, – ответила Ирина.

– Не тем глазом ты смотришь Ирка. У тебя ни памяти, ни воображения нет. Тридцать с лишним лет назад в этот день, ты из этого подъезда выкатила коляску с моим Альбертом. У меня был красивый футбол в тогда. После чего мы жарили дома уток, и пили с тобой вермут, а Лёнька пил чай. В этот день у меня родились дочери, а Софье ты приходишься крёстной матерью. Теперь я приглашаю тебя ко мне домой, отпразднуем с тобой дату великую и мой празд-

ник, только предупреждаю тебя, уток диких сегодня нет. Будем жарить ножки Буша с грибами, и пить водку.

Иван Романович поднялся и размеренным шагом направился к своему подъезду. Ирина ринулась за ним, приговаривая:

– Потом опять будешь кричать, спина болит.

– Когда заболит, тогда я голос подам, а сейчас поспешай.

Она словно молодая козочка бежала вприпрыжку впереди Ивана.

– Ты мне прервала приятные мысли, теперь вдвоём будем предаваться воспоминаниям у меня дома, – кричал он ей в спину, – мальчика только дождёмся.

– Нашёл мальчика, – засмеялась Ирина Ильинична, – да твой Вовка, поди, зачал уже детишек на каждой железнодорожной станции, а если к этим станциям приплюсовать автобусные остановки? – она покачала головой. – То быть тебе дедом – героем благодаря этому мальчику. Ты посмотри, как за ним девки увиваются.

– А тебе завидно, – съязвил Иван Романович, – сама – то комолой всю жизнь прожила. Никакого следа в истории не оставила.

– Ваня да рада я за тебя и за себя тоже. Все дети наши будут! Я же знаю, что ты меня сватать сегодня будешь, но вот за кого?

Иван Романович резко остановился и повернулся лицом к своей спутнице:

– Ты считай, двоих похоронила, вначале Лёню, потом Захара.

– Ну, Захара ты хоронил, а не я. Хотя врать не буду, в гости он ко мне захаживал. Молодой красивый от такого леденца я бы не отказалась. Ты мне, наверное, такого же нашёл женишка?

– И с чего ты взяла, что я тебя сегодня обрадую?

– Я не взяла, я вижу.

– Что ты видишь?

– Одет, ты сегодня как сват и если бы рядом около нас был гармонист ты и его бы домой к себе пригласил. Обещал же мне найти ладного мужчину!

Иван хотел ей ответить, но в горле что – то сдавило и он, махнув рукой, пошёл вперёд.

– Ты рукой не маши, – кричала она ему в спину. – Что это за сватовство без гармошки!

...Иван Романович, открыл дверь своей квартиры, пропустив впереди себя Ирину, а затем зашёл сам, плотно закрыв за собой дверь. Бросил ключи на трельяж, стоявший в прихожей, и прошёл в кухню:

– Ты Ирина мне про Захара не ври, весь двор знает, что он жил у тебя.

– Да пошутила я. Не жил он у меня Ваня, а прятался три месяца. И в это время ни одна душа не знала, что он в моей квартире находится. Хороший и деликатный был мужчина. Много чего рассказал про свою не лёгкую жизнь. Хлебнул он горя вдоволь, но пожил на свободе, как миллионер на широкую ногу. По секрету тебе скажу, – мне он тоже отщипнул зелёной бумаги толстую стопочку. А Вовке он просил передать, чтобы то место где он найдёт обувную коробку, обследовал тщательней. А его тут вскоре посадили, и я про наказ Захара забыла, а ты мне сегодня напомнил.

– Вот он сейчас придёт, ты ему и расскажешь про ваши секреты с Захаром, – сказал Иван Романович.

Вовка не заставил себя долго ждать. Он появился с бутылкой Янтарного вина и коробкой лимонных долек.

– Я видел вас с тётей Ирой в окно, – сказал Вовка, – ждал, когда мне мама сорочку погладит. Она сейчас вам составит компанию. Уже собирается. Вино и дольки от неё, а я попозже зайду с другим напитком.

– Теперь только тебя и видели, – обижено сказал Иван Романович.

– Я обязательно буду и не один, а с Полиной. Только с работы её встречу. Она до четырнадцати часов работает. А пока обещанный сюрприз. Вовка запустил руку в карман сорочки и достал оттуда печатку с крестовой воровской мастью:

– Это наследство Захара, – сказал Вовка. – Просил передать тебе Иван Романович, – соврал он.

– Богатый перстень! – с восхищением сказал Иван Романович. – Спасибо Вовка! Мечтал когда – то приобрести такой, но всё как то не складывалось. Угодил ты мне вместе с Захаром.

– Кум, ты передай ему весточку от Захара, – подала голос Ирина Савельева.

– Ах да, – вспомнил Иван, – Захар при жизни, через тётю Иру просил тебя тщательно осмотреть место, где лежала коробка от обуви. Сколько лет прошло, а помню. Я же ваших секретов тогда не знал, а ты должен знать.

– Я примерно знаю, о чём речь идёт, – задумался Вовка, – но если там спрятан для меня очередной срок, я туда не полезу. А самую дорогую вещь оттуда ты должен на палец сейчас примерить.

– Ты вот что Вовка, если дело опасное, – без меня никуда не лезь.

Привет прекрасная Радуга

Колчак с Полиной отыграли пышную свадьбу. Не смог приехать на свадьбу только Максим. Он в это время был в Германии и подписывал важный контракт. Жить молодые стали в квартире Колчиных. Места в сталинской квартире было вполне достаточно.

...Как назло в сладкий медовый месяц, у Колчака началась сессия в университете на факультете физической культуры. Ездил он на учёбу не автобусом, а речным большим пассажирским катером «ОМ», который регулярно курсировал от берега к берегу. Проплывая мимо сливной станции, Вовка не забывал обращать внимание на неё. Иногда, там было затишье, но чаще случалось, когда плав кран, перегружал с палубы, строительные материалы и метлы на баржу. Или, наоборот, разгрузка с судов велась на палубу Лабы. Фура, там никогда не проматривался. Его сильно напугал Лука, сказав, что если у него хоть раз возникнет интерес к Колчаку, то он привезёт его сюда. И они вместе с ним поломают Фуре руки и сбросят в Волгу, а судно подпалят. Фура, от таких слов ноздри раздувать не стал. Сказал, что к Колчаку ни обид, ни претензий не имеет, а встретиться хотел, чтобы по чарочке мирового коньяка выпить. ааа

Вовка ежедневно ходил в ресторан встречать Полину с работы. Иногда приходил раньше, чтобы посидеть в баре и выпить бутылку пива. В субботу утром к нему домой зашли Марек и Витька Петухов – Педро. Витьку Колчак видел впервые после освобождения. Они обнялись по-дружески и Витька вытащил из своей сумки ласты, маску и трубку – все атрибуты для подводного плавания:

– Хоть и не сезон, – сказал Педро, – но на следующий год пригодится.

– Ну что ещё водолаз может подарить? – обвёл Колчак взглядом своих друзей. – Конечно, акваланг не лишним бы был к этому набору, – пошутил Вовка.

– Проблем нет, найду и его, – пообещал Педро.

Какие планы на сегодня? – спросил Вовка у друзей.

– Пошли в баню попаримся с пивком – предложил Марек Колчаку. – Обмоем моё повышение на работе. Я в объединении назначен директором по сбыту, ну и я же специалист по компьютерам. Чуешь, как мне повезло? Две ставки буду получать. Пошли с нами, а Витька, нам, из своего репертуара интересное что – то расскажет.

Витька Педро, невысокий и чернявый парень, похожий на испанца, считался первым модником во дворе. Но имя серьёзный недостаток в дикции, шепелявя при разговоре, отпугивал от себя противоположный пол. Но, несмотря на это, у него было масса достоинств, хорошо сложен, внешне красив как испанец, а ещё он был, по сути, ходячим анекдотом. Его юмор был необычен и оригинален.

...Колчак охотно согласился на его предложение. На улице было холодно и дождливо, а в квартире отопления ещё не дали. И от парного тепла грех было отказываться. Полина работала в первую смену, до двух часов дня.

«Часть свободного времени можно убить в бане», – подумал Колчак.

И он, приняв предложение друзей, собрал в сумку все банные принадлежности и последовал за друзьями в густой пар. После парной они сели за стол, заказали себе холодного пива и воблы:

– Помнишь, мы из бинокля увидели мужика похожего на старшего брата Витьки? – напомнил Марек Колчаку.

– Я помню, что было пятнадцать лет назад, а ты говоришь о «вчерашнем» дне, – ухмыльнулся Колчак.

– Это не брат был, а мой дядька, – сказал Витька, – он на этой станции работает шесть лет. Там хорошие бабки ему платят. Им ещё начальство за погрузку и разгрузку прилично приплачивают.

– Витёк меня, их заработки не интересуют, – оборвал Вовка Педро, – я знаю одно, что тебе можно доверять. – Скажи, а если мы с тобой на доверительный базар его дёрнем, пойдёт он на это? Мне нужно узнать, кто там правит, кто бывает на этой Лабе. И мне нужен, хоть кусок их рыбацкой сети.

– Я сомневаюсь, что он пойдёт на такое, – засомневался Педро, – он, когда бабки большие стал лопатой грести, сильно изменился. А если тебе сеть нужна. Пойдём назад домой, в сарае у меня есть. Все сети, которые у них имеются мой дядя, Паша вяжет.

– Вот это уже лучше, – оживился Колчак, – а обо всём другом давай забудем. Ты тоже не пытай его?

– Какое пытай, – глотнул Витька пива, – я его вижу раз в полгода, да и ко мне он серьёзно никогда не относится. Считает меня за шута. Пришёл, к нам два дня назад на спасательную станцию и говорит, что, я топлю людей, и я же их спасаю за бонусы. Нашёл место, где подковыривать меня. Я, еле устроился на спасательную станцию.

– Не обращай внимания ты на него Педро? Просто твой юмор не всем понятен, – утешил друга Колчак. – Лучше расскажи новый анекдот, и забудем эту тему?

– Пожалуйста, – оживился Витька, – только пиво своё, что сейчас выпили, слейте, а то под мочитесь.

– Не бойся, никакого конфуза с нами не произойдёт, – сказал Марек

– Тогда слушайте, сказал Педро:

– Приходит мужик в аптеку, говорит

– Дайте мне пачку презервативов, а его аптекарша спрашивает:

– Вам, какого размера подать?

– Мужик отвечает, – не знаю.

Тогда аптекарша достаёт трафаретную дощечку с насверленными отверстиями разного калибра и говорит:

– Сходите в туалет примерьте свой размер и цифру отверстия обязательно запомните?

Через десять минут мужик возвращается с довольной рожей и заявляет аптекарше:

– На хрен мне нужны ваши гондоны. Сколько стоит ваша дощечка?

Не засмеяться тут уже нельзя было

– Классный анекдот Витёк, – оценил Марек, – сам придумал?

– Не помню, – улыбнулся Педро, кажется, дядя Стас Толчков сочинил. Мы с ним часто своими шедеврами обмениваемся.

Осушив пивные кружки, друзья вышли из бани. Дождя на улице уже не было, но было прохладно.

– Время бабьего лета, а тепла нет, – поднимая, воротник ветровки, сказал Колчак.

– Какие бабы, такое и их лето! – выдал Педро и расхохотался.

Проходя мимо кинотеатра, они натолкнулись, на директора школы Михаила Ивановича и Надьку Крупицу. Они стояли около литого из чугуна забора и о чём – то спокойно разговаривали. После своего освобождения Колчак их увидел в первый раз.

Ребята подошли и поздоровались с ними. Михаил Иванович откровенно был рад встрече с Колчаком и долго в приветствии тряс ему руку, что позабыл поздороваться с Санькой и Витькой.

– Подрос немного, – говорил директор, – а красивый, как мать стал. Давно возвратился?

– Так давно, что успел уже устроиться на работу в порт и жениться, – ответил Колчак.

– Это хорошо, а учиться дальше думаешь продолжать? Ты же способный был.

– И туда поступил, – сказал Колчак, – на заочное обучение физической культуры.

– Рад, рад за тебя, в таком же духе и продолжай. Надежда на бюджете учится. Решила перейти тоже на заочное обучение. Думал, преподавателем станет, через год. Я её уговариваю в родную школу идти работать. Место ей всегда найдётся, а она никак не соглашается.

...Надька стояла смущённая и скованная от неожиданной встречи с Колчаком. Последняя их встреча в походе, о которой Колчак частенько вспоминал с юмором, не накладывала на него ни какого отпечатка стыда. Для него это было смешное прошлое. Надька, опустив голову, старалась не смотреть в его сторону, давая понять этим, что определённая дистанция между ними пока существует. Она была ярко и со вкусом одета.

«Действительно Радуга», – подумал Колчак.

– Пойдём мы Михаил Иванович, – сказал Колчак, – у вас тут деловой разговор, а мы вклинились случайно в него.

– Нет, никаких помех, – сказал директор, – у нас с Надеждой тоже случайная встреча.

Колчак на своём локте ощутил лёгкое прикосновение чужой руки. Он повернул голову. Это была Надька.

– Постой Колчин мне с тобой надо поговорить? – сказала она, – столько лет не виделись, и обойтись одним скупым «здравствуйте», – согласись, это не совсем вежливо.

– Вы без меня побеседуйте, а я побегу, – заспешил директор.

– И мы тоже пойдём, – сказал Марек, – капусту порубить в сарае нужно сегодня, а то мать одна не управится.

– Не забудь сеть забрать? – напомнил ему Колчак.

– Надя у тебя, как со временем? – спросил он её.

– Полная свобода. Муж уехал на сбор филателистов в кинотеатр «Палас». Приедет к вечеру.

– Тогда пошли в тепло, к вкусным блюдам и там поговорим, – предложил ей Колчак.

– А где вкусные блюда готовят? – спросила она.

– Здесь рядом, в тридцати метрах отсюда, – намекнул он ей на ресторан.

– Если не далеко, то я не против, веди меня? – быстро согласилась она, – а то эта промозглая погода меня до дрожи проняла. Хочу чаю горячего и пирожного.

В ресторане они сняли с себя верхнюю одежду и подали гардеробщику, который хорошо знал Колчака. Увидав его с незнакомой девушкой, он склонился над его ухом и заговорщицки сообщил ему:

– Твоя Полина, на работе сегодня.

– Знаю я сейчас к ней зайду, – у неё сегодня короткий день.

Колчак провёл Надежду в зал, подал меню, чтобы она сделала себе заказ, а сам пошёл к Полине.

– Опять ты здесь? – недовольно спросила его Полина.

– Понимаешь Польша, встретил одноклассницу, которая недавно вышла замуж и она решила пригласить меня в ресторан поговорить, вспомнить школьные годы, – соврал он.

– Я сейчас поднимусь в зал, посмотрю, что там за одноклассница у тебя выискалась? – без чувства ревности заявила Полина.

– Приходи, вместе с нами посидишь, только прихвати с собой несколько эклеров?

– Сейчас, разбежалась, – шутливо сказала Полина, – не хватало, чтобы я твоих зазнов своими пирожными кормила.

– Я же тебе сказал, что это одноклассница и ещё друг детства, а никакая не зазноба, – сказал Колчак и поднялся на второй этаж в пустой зал, где, как сирота находилась одна Надежда. Она, одиноко сидела за столом, сомкнув, кисти рук аркой, подперев на неё свой подбородок, разглядывала интерьер ресторана. Меню лежало перед ней открыто.

– Выбрала себе блюда, какие? – спросил Колчак.

– Мне стыдно признаться, я в ресторане всего второй раз в жизни и многие названия блюд для меня, как китайская грамота. Пельмени, бефстроганов, мне знакомы, а остальное меню, для меня тёмный лес. Возьми, пожалуйста, на себя эту функцию? Закажи на своё усмотрение?

Он заказал два антрекота, салаты и графинчик коньяка. Через пять минут заказ был уже на столе.

Надька подняла рюмку и сказала:

– Ну, здравствуй, странствующий Колчин!

– Привет прекрасная Радуга! – удивил он её, назвав институтское прозвище.

– Ты случайно меня Радугой назвал или, справки обо мне навёл? – спросила она.

Вовка не знал, как ей ответить на её вопрос и полез в карман за сигаретами:

– Вот это номер, – удивилась она, – ты же спортсмен и трaviшь себя тютюном.

– Это не тютюн, а сигареты высшего качества. И курю я уже года два. Вреда я пока от них не ощущаю.

– Точно тебе сигареты инопланетяне присылают, – засмеялась Надежда, – я помню, как ты у костра рассуждал насчёт курения. Но ты мне так и не сказал, почему ты меня Радугой назвал?

– Я думаю правду, тебе сказать, или солгать, что навеяло.

– Говори что угодно, мне приятно будет услышать от тебя любой ответ.

– Конечно, ты догадалась, что я навёл о тебе справки. Я знаю всё о тебе и твоём муже.

– Я тоже о тебе много, что знаю. Я тебе письма писала несколько раз, но отправить не решалась. Одно письмо я послала по адресу, но мне пришёл печальный ответ, от начальника, что ты переправлен на другую зону в связи с изменением тебе режима. И все письма мои были извинительного характера. Я прекрасно понимаю, что все мы тебя тогда предали. Но нас всех банально заставили пойти на такой подлый шаг прокурор и начальник милиции. Я знаю, что ты всегда был хороший и добрый, хоть и хулиган отменный. Я знала, что ты можешь быть верным товарищем и другом, с которым никогда не пропадёшь. И мне стыдно, было тогда, за себя и за наш туристический весь коллектив. Я могла и должна была настоять, на откровенном разговоре с тобой, чтобы убедить тебя сдать оружие. Я прошу у тебя прощения сегодня за всех нас вместе взятых.

– Надя, давай забудем прошлое, я ни на кого обид не держал и не держу. Даже на Коровина. Во всём виноват я сам. Вы тогда в лодке, признались мне о заговоре против меня. И мне в этот – же день нужно было сделать правильные выводы, а я пренебрёг вашим откровением и получил своё, что заслужил. Так что никакого предательства не было.

Надька, услышав про лодку, загадочно заулыбалась, что не ушло от зоркого глаза Колчака:

– Вот ты за моё поведение в лодке, точно, наверное, обиду держишь? – спросил он.

Надька продолжала улыбаться и отрицательно качать своей маленькой головкой с аккуратно уложенной причёской:

– Ты мне правду про Радугу сказал, а я тебе правду про лодку скажу. Мне нравилось, что ты тогда с нами со всеми творил. В тебе было столько страсти в те короткие минуты. Властный голос придавал тебе такую невероятную силу. Я в тот миг мечтала, чтобы мы с тобой были одни в лодке. Девчонки те, возможно, раздевались под действиями слабительного, а я сознательно с себя все скинула купальник и слёзы мои были сплошной показной демонстрацией. Я тогда уже переплывала Везлому в самом широком месте, а ужей я тем более не боюсь. Могла бы спрыгнуть с лодки и проплыть до берега спокойно. Я не скрываю, ты мне всегда нравился. Детство крепко нас повязало. Не забывай, мы с тобой в начале нашей жизни соски – пустышки вместе начинали сосать. У меня даже фотография дома есть, где мы с тобой на кровати голенькие сидим. И у нас по соске с тобой во рту, а у тебя еще в руках тигр плюшевый.

– У меня тоже такая фотография имеется, но я сомневаюсь, что я тебе нравился. Зачем свою шею подпортить тогда дала Коровину, а не мне? – напомнил ей Колчак неприятный момент.

Слова Колчака не произвели на неё никакого отрицательного действия.

– Сволочь он и обманщик, – с негодованием бросила она.

– Я стараюсь избегать его в автобусах и на остановках, когда еду в университет. Никто не знает, как появились у меня синяки на шее и грудях, кроме его самого и Лары. Сейчас и ты будешь знать.

Я после смерти его матери всегда относилась к нему с особым вниманием. Моё отношение к нему приравнивалось к жалости, не больше. Сам понимаешь, я тоже рано маму потеряла, и всегда своим поведением старалась его только утешить. В походе, он мне читал лекции, якобы услышанные от отца врача, что деревья дают здоровье человеку и питают мозг. И самыми лучшими деревьями являлись по его словам итальянская сосна или дуб. Я ему говорю, что знаю, где такая сосна растёт, но далеко идти, давай дуб найдём. Когда к дубу пришли, он мне говорит: «Встань спиной к нему, а руки заведи назад». Я это сделала, он мне быстро руки сзади скрутил бечёвкой. Затем этой бечёвкой дуб опутал вместе со мной и давай мне целовать груди и губы. Вначале любопытно было, а потом его слюнявый рот, мне стал противен. Я тогда не думала, что он меня хочет возбудить. Коровин мне говорил, что всё это относится к совместным, целебным процедурам и ритуал поцелуев противоположных полов усиливает оздоровительный эффект. И стыдно сейчас вспоминать, но я верила ему, в тот момент. Думала сын врачей, должен много знать о здоровье. Когда мы лежали по твоей милости с Ларой в лазарете лагеря, я ей рассказала причину возникновения багровых пятен на шее. Она же для меня, как старшая сестра, зачем я от неё скрывать буду. И там врач нам сказала, что у неё пропали сто таблеток слабительного. Она тебя хорошо знает и кроме тебя у неё никого не было. Вот тут мы и узнали кто нам фейерверк устроил.

Вовка не стал поддерживать неприятную для него тему. Он просто перебил Надю:

– Кстати, а как Лара поживает?

– Как и прежде, шикарно и в своё удовольствие. Продала кусок терема своего покойного деда. У неё теперь нет никаких забот, дышит свободой и умиляется своей красотой. Замуж вероятно она уже не выйдет. Чужие носки и трусы говорит стирать, я не намерена. А ты зайди к ней? – посоветовала Колчаку Надежда, – она часто о тебе вспоминает. Хочешь, давай сегодня вместе сходим? Она весь день будет дома.

В субботу у неё один урок в школе. Лара обычно занимается, до обеда домашними делами. Ей будет приятно увидеть тебя.

– Позже видно будет, – неопределённо ответил он.

К столу подошла официантка и поставила на стол, тарелку с пирожными Эклер и разукрашенными кремом корзиночками.

– А мы этого не заказывали? – удивилась Надежда.

– Я заказывал, – сказал Колчак.

– Я их очень люблю, и поскромничала тебе сказать о своей слабости, но я отчётливо помню наш заказ, пирожных там не было.

– У меня жена, здесь работает. Я ей сказал, что сижу с тобой наверху. И просил её, чтобы она сделала заварных пирожных, а она тебе ещё лукошек прислала.

– Бессовестный, – возмутилась Надежда, ты бы мог пригласить её сюда и познакомить меня с ней.

Колчак посмотрел на часы:

– Через двадцать пять минут, она закончит работу и придет к нам.

– Здорово, – подпрыгнула от радости Надежда, – посидим немного, потом все вместе и завалимся к Ларе.

– А это удобно будет? – спросил Колчак.

– Очень даже удобно. Скажу тебе откровенно Лара, не любит шумных компаний, но тебя увидеть, и вместе с женой, да она на седьмом небе от счастья будет. Поверь мне? Я прекрасно знаю, как она хорошо к тебе относится, – уговаривала Надежда.

– Тогда пойдём. Я думаю, моя Полина сопротивляться не будет. Тем более Лара живёт через дом от меня.

– Твою жену Полина зовут? – спросила Надежда, – редкое имя. Если она из четвёртой школы и носит очки, то я тебя поздравляю. Удачный выбор. Очень милая и красивая девушка. Я когда её встречаю, всегда восхищаюсь ей.

– Да это она самая, – подтвердил Колчак, – Полина очень заметная девушка. В толпе резко отличается от всех.

Вскоре появилась и сама Полина, она была в чёрном строгом костюме, в одной руке наперевес у неё был плащ, в другой дамская сумочка. Подойдя к столику, она повесила плащ на спинку свободного стула. Поздоровавшись с Надеждой, она присела за стол. Колчак представил ей свою одноклассницу.

Полина оценивающе окинула Надежду взглядом и сказала:

– Мы с вами визуально знакомы и давно. Часто приходится встречаться на улице и в транспорте, но я не думала, что вы одноклассница моего мужа.

– Я вам больше скажу, – приветливо ответила Надежда, – мы с ним знакомы с пелёнок, и наши мамы купали нас в детстве вместе, в одном большом корыте. И в его альбоме находится старая фотография, где мы дуэтом совершенно голые исполняем фокстрот на сосках.

– Поэтому вы и надумали, сегодня с коньяком ваше давнее знакомство отпраздновать? – съязвила Полина.

– Я же тебе говорил, что не виделись с ней долго, зашли в тепло пообщаться, – оправдывался Колчак.

– Для такой цели существуют более слабые напитки, – укоризненно заметила Полина. – Но раз так, то и я, охотно выпью с вами пол рюмочки коньяку. Оценю, что в нашем ресторане наливают вам в графины и что дают нам для пропитки тортов.

Она посмотрела внимательно на Надежду и спросила:

– Надя, а почему вы пирожное, моё не кушаете, – не нравится?

– Что вы спасибо, я его очень люблю. Мы тут с вашим Колчиным подумали, что дождёмся вас, и все вместе пойдём к нашей классной руководительнице и моей приемной матери Ларе Давидовне. А сладости хотели захватить с собой.

– А вам Колчин разве не сказал, что ему один важный орган не рекомендует в вечернее время появляться на улице. Он в эти часы должен обязательно, находится дома и обнимать свою любимую жену, помня, что у нас идёт медовый месяц.

Вовка схватился за голову:

– Надя, ты извини? – напомнил ей Колчак, – я чрезмерно увлёкся временем, что забыл про надзор.

Вовка кривил душой, надзор у него был. Но ограничений появления в вечернее время в городе у него не было, как у рецидивистов. Он сам его придумал для всех, что бы меньше мелькать на улице и уйти от многих соблазнов.

– Скоро он у меня кончится, и я совсем свободный буду. Придётся отложить поход к Ларе до следующего раза, – с сожалением сказал Колчак.

– Очень жаль, – огорчённо произнесла Надежда, – но мне к ней зайти непременно сегодня нужно. Возьму новые выкройки у неё на платье. Мы с ней увлеклись шитьём. Только я кроить не могу, а она мастерски это делает. Навещу Лару и угощу её вашими пирожными.

...Возвращаясь из ресторана, они шли по Центральной улице. Колчака держали по разные стороны под руку две прекрасные дамы. Он гордо вышагивал в окружении двух кисок,

замечая, что все прохожие восхищённо смотрят на них. Молодые женщины, тоже заметили, что их небольшая компания привлекает к себе внимание пешеходов, и они специально шли не торопясь, делая короткие шаги, чтобы продлить приятное ощущение себе и окружающим.

Простились они, пребывая в хорошем настроении, около дома Лары.

– Заходите и ко мне в гости? – сказала Надежда, – я вас с мужем познакомлю.

– Зайдём обязательно, – пообещал Колчак.

Надежда скрылась в подъезде дома Лары, оставив после себя, запах дорогих духов. Вовка с Полиной плотно прикрыли за ней дверь подъезда, и пошли к своему дому. Хотя домой идти не хотелось. Настроение было хорошее и у обоих. На улице у них вязались разговоры на любые темы, а в квартире при матери, обо всём не поговоришь громко, даже находясь в своей двенадцати метровой комнатке. Они дошли до гастронома, где Колчак на оставшиеся деньги купил Шампанское и торжественно сказал, выходя на улицу:

– Свадьба продолжается!

Они зашли в беседку около дома, открыли там шампанское и вдвоём распили его.

В Западне

Во дворе разнеслась весть, что Витю Леонова задержали пьяным на перевозе и посадили в обезьянник. На следующий день он зашёл к Колчаку и поведал ему интересную историю:

– Меня забрали в «жандармерию». Я в клетке до утра просидел, а утром пришёл «твой друг» Ланин, – мусор поганый. Он сказал, что меня за мелкое хулиганство непременно посадят на пятнадцать суток, будто я всю линейную службу обзывал матом. Я материться, вообще не могу. От меня никто в жизни мата не слышал. Я пьяный могу без чувств, свалиться и мой рот после этого закрывается на замок. Короче Ланин говорит мне, я тебя вызволю отсюда, но за одну услугу. Будешь мне каждый шаг своего соседа докладывать. То есть тебя. Я без звука согласился на его условия. Мне главное выбраться было оттуда. А шпионить, я конечно за тобой не буду, ты сам хорошо понимаешь.

– Правильно ты поступил Витя, а докладывать ему будешь, но не то что он хочет услышать. А то о чём я тебе буду рассказывать, – учил его Колчак.

– Понял Владимир, только ты на меня не обижайся и не думай плохого ничего? – оправдывался Витя.

– Витёк прекращай, ты чего угорел, – ли в обезьяннике? Я же тебе сказал, что ты правильно поступил, – успокоил его Колчак. – Я только не понимаю что ему от меня надо? – Куда он лезет? Мухин участковый, всего один раз к себе в околоток вызвал. По душам поговорил со мной и больше ни разу не проявлял интереса ко мне. А у этого попка в ключья разлетается от нездорового азарта. Наверняка, он ещё кого – то подвязал ко мне, не только на улице, но и на работе. Надо понаблюдать за своими кадрами в порту.

...Колчак поблагодарил Витю за ценную информацию и пошёл домой. После разговора с Витей Леоновым, он долго мозговал, как укротить Ланина, а когда ему пришла идея, пошёл к Сашке Мареку.

– Пошли на улицу выйдем, поговорить надо? – пригласил Колчак Марека во двор.

Они вышли во двор и сев на детскую вертушку – карусель Вовка начал делиться с другом частью своего плана:

– Слушай меня внимательно, мне нужно помещение, где можно закрыть человека, чтобы он несколько дней оттуда не смог выбраться. Главное, чтобы он ни кем не был там услышан. Чтобы это была хорошая ловушка, куда он сам туда добровольно зайдёт, а выйти не сможет без посторонней помощи. Ты подумай, где такое место в городе есть? Я тебя не тороплю. Об этом пока знать должны только трое. Ты, я и Витя Леонов. Луке, говорить ничего не надо, а то он по дурости сболтнёт, кому ни будь.

– Я знаю, кому ты сети плетёшь, – догадался Марек, – для него лучшего места, чем графские развалины не найти. Далеко от домов и дороги. Ночью если громко выть, может Ланина, кто и услышит.

– Хотя бы ночь он там просидит, меня это вполне устроит. Сейчас ночи холодные, ему достаточно там будет переночевать, чтобы прихворнуть немного, – сказал Колчак, – давай пройдемся туда? На месте легче план разрабатывать.

– Пошли, всё равно делать нечего, – согласился Марек.

...Графские развалины, это было замороженное больше двадцати лет недостроенное здание дворца культуры. Никем не охраняемое, оно сиротливо стояло недалеко от частного сектора и центральной городской магистрали. Белый силикатный кирпич от выпадавших осадков приобрёл мрачный серый цвет. Местами наверху стояли плиты перекрытия.

– Вот смотри? – показал Марек помещение, – здесь высота, где – то десять двенадцать метров, чтобы попасть вниз с торца есть бункер, где должны были устанавливаться лестничные марши. Ты должен помнить, мы тогда по деревянной лестнице спускались в цокольный этаж.

Высота примерно там метров пять – шесть. Если кто туда спустится по лестнице, а после убрать её, то вылезти оттуда невозможно. Мы один раз Педро так напугали, когда он пьяным был. Он от страху усеял весь подвал навозом.

– Нормальное место, – одобрил Колчак. – Для моей затеи оно подойдёт. Я хорошо обдумаю, и будем реализовывать мой план. Нам ничем это грозить не будет. Понимаешь, Ланин задался целью вернуть меня за колючку, а я задался целью показать, что в милиции тоже иногда попадаются дубки безмозглые.

Вовка посмотрел ещё раз вниз, и они ушли с недостроенного объекта.

– Где лестницу только деревянную найти? – можно было на месте сколотить, но на стройке палки не найдёшь. Частники всё до щепки подобрали бани свои топить, – потушил Марек.

– Лестница, это не вопрос, – сказал Колчак, – я из порта принесу верёвочный трап. Тут надо обдумать, чтобы Витька Леонова не подставить. Сделать нужно так, чтобы комар носу не подточил. Спать сегодня не буду, пока идеально всё не разработаю.

...Вовка в понедельник пошёл в милицию на отметку. Ланин был в дежурке, через стекло он спросил Колчака:

– Это ты Назарова надоумил писать на меня несуразицу. Мне всё известно, можешь мне не заливать, что ты ничего не знаешь. Его я отправлял в дурку один раз. Отправлю и второй раз, а следом и ты пойдёшь за ним в нужном мне направлении.

– Я не знаю, о чём ты говоришь, но слухи по городу ползут, что половая ориентация у майора Ланина нарушена. Тебе бы от позора перейти в другое отделение работать, – посоветовал ему Колчак. – А если ты беднягу убогого хочешь спрятать в дурдом, ты расписываешься в правдивости тех посланий, которые Володя оставляет на почтах, – осадил он Ланина.

– Он больше у меня не войдёт ни в одно отделение связи, – с ненавистью сказал Ланин.

Присутствующий там дежурный Силантьев слушал диалог Колчака и Ланина, потом засмеялся и сказал:

– Кончай Ланин отпираться, сломал целку юродивому, теперь отмахиваешься. Скажи спасибо, что он пока пишет о любовной новогодней ночи, а вот когда он будет требовать, чтобы ты женился на нём. Тогда тебе придётся распрощаться с погонами и работой.

– Прекрати немедленно ерничать? – завизжал он, словно резаный поросёнок – Как вы не поймёте, что он больной человек. Я с ним в соседях живу тридцать восемь лет и знаю его, как облупленного.

– Вот, ты его по добро соседски и познакомил со своим бесстыжим другом, – не успокаивался подкалывать Силантьев, Ланина.

...Колчак не стал слушать дальнейшую перепалку двух майоров. Он вышел из отделения довольный, что его небольшими усилиями была нанесена моральная травма ненавистному ему менту. План, как затащить Ланина в подвал графских развалин, и оставить его на ночёвку там, у него не выходил из головы.

На следующий день Витя на дамском велосипеде, в импортных крагах на руках и очках от ветра подъехал к милиции. Приставив велосипед к стене парадного входа, он поправил на себе сумку почтальона и проследовал в кабинет Ланина:

– Я прибыл по вашему заданию, которое вы мне поручили выполнять, – браво доложил он. – Сообщаю, в воскресенье у Колчина были подозрительные лица, которых я ни разу не видал. Я засекал время, они на чердаке были около двадцати минут. А потом Колчин пошёл к себе домой, а те сели в автобус, который следовал в областной центр. Я следил за ними, до тех пор, пока не тронулся автобус.

– Так, так, – обрадовано произнёс Ланин. – Молодец Леонов! Держишь своё слово, мне это нравится! А теперь скажи, сколько их человек было, как они выглядели и в чём были одеты.

– Их было двое, рост примерно сто семьдесят у обоих, одеты в джинсу. Один в синюю куртку, другой в чёрную куртку. Волосы, не заметил какие у них. Воротники были подняты, а на голове тубетейки с большими козырями.

– Хорошо, Леонов, – а ты не заметил в руках у них, что было, ну там сумка или свёрток какой, – допытывался Ланин.

– Нет, – чего, не видал, того не видал, врать не буду, – сказал Витя.

– Молодец, молодец, – твердил Ланин, затем он встал, открыл сейф, достал початую бутылку водки, и гроздь винограда. Налил, чуть больше полстакана и протянул Вите.

– Я не за водку согласился работать, – отказывался Витя, – я за идею по искоренению преступных элементов в России.

– За идеи тоже надо выпивать, иначе они воплощаться не будут, – почти силком Ланин всучил Вите в руки стакан с водкой.

Витя ломаться больше не стал, залпом выпил содержимое стакана и сорвал с грозди винограда пару ягод, которыми закусил.

– Благодарю, но я больше вино люблю, оно дешевле и приятней, – намекнул Витёк Ланину.

– Хорошо в следующий раз, я вина тебе куплю, – пообещал Ланин, – а сейчас ты свободен, но следить за Колчиным не переставай.

– Тогда я пошёл, – встал Витя со стула. Перед дверью он остановился, повернулся к Ланину и сказал:

– Я думаю, Колчин, что – то прячет на нашем чердаке, слишком часто он туда ходит. Давайте я замок, там повешу, который он никогда не откроет.

– Ни в коем случае, ни каких замков, – взвинулся от слов Вити Ланин. – Необходимо проследить, что он там прячет, но делай осторожно, чтобы тебя никто не заметил, особенно Колчин. Каждый шаг его фотографируй.

– А у меня фотоаппарата нет, – развёл руки Витя.

– Фотографировать это значит следить и запоминать все его действия, – раздражённо сказал Ланин.

– Понял, так и сделаю, – сказал на прощание Витёк. Он закрыл не плотно за собой дверь, но уходить не спешил, стоял, направив своё ухо в щель.

– Бывают – же такие тюфяки, – расслышал он за дверью в свой адрес голос Ланина.

– Сам цинковка описанная, – тихо произнёс Витя и пошёл к выходу.

В четверг Витя принёс Ланину письмо, набранное на компьютере Марека.

– Смотрите, что я выследил вчера вечером. Я долго сидел в тёмном чердаке, смотрю силуэт, появился, и вижу под стропила, около двери засовывает вот это, я прочитал и думаю, что надо назад его положить.

Ланин дрожащими руками взял и прочитал вслух:

КАРАБАС

Вольну, возмёшь в субботу, в недостроенном здании дворца культуры, в подвале. Спустишься через бункер по веревочному трапу, который будет лежать рядом под ржавой ёмкостью для раствора. Там петля на блоке, застопоришь трап арматурой. В правом углу под плитой, будет лежать коробка не большая, в ней ты найдёшь, что тебе надо. К утру ты должен всё вернуть на старое место. У меня на чердаке прятать опасно. Жильцы бельё там стирают вывешивают и пацаны лазают. Бабки, оставишь в коробке. Раньше десяти вечера не приходи, я не успею её принести. Трап и арматуру положишь, где взял. Со мной встречи. Не ищи. Опасно. Связь будем держать через наши с тобой почтовый ящик.

Всё. Удачи тебе.

ВОВАН.

– Я понимаю, вот это работа господин Леонов! – обрадовался Ланин. – Ты меня с такими известиями в генералы выведешь пожалуй. Спасибо удружил. Что значит, чувство гражданской ответственности. На вина, – вытащил он с ящика стола литровую коробку Кубанского вина. Я – специально купил для тебя. Видишь, как я ценю твою работу.

– Спасибо, я такого ни разу не пил, – прикинулся Витёк лаптем, – дорогое, наверное, вино?

– Для хорошего человека никаких денег не пожалеешь, – взволнованно говорил Ланин. – Ну, Колчак держись? Ты у меня в руках. Теперь не сорвёшься, – мечтательно говорил он, веря в скорую поимку Колчака.

– Вы облаву всей милицией будете делать? – спросил Витёк, – а меня с собой возьмёте? Я ведь, как – никак, ваш помощник. Мне интересно поучаствовать в задержании преступников, может мне после за это часы или фотоаппарат подарит начальник милиции за гражданский подвиг, как и другим бригадмилльцам. Но Колчака, конечно, брать я не буду а, то он из тюрьмы после придёт рыло мне на фиг начистит.

Ланин смотрел на Витю, как на сумасшедшего и еле сдерживаясь, чтобы не выйти из себя сказал:

– Участвовать в такой операции тебе не обязательно, да и опасно будет. Может возникнуть перестрелка. Тем более облавы никакой устраивать я не собираюсь, я один возьму их тепленьких. Первым Колчина свяжу в десять часов, а следом этого Карабаса. И ты об этом никому не рассказывай. Тебе нужно срочно вернуть письмо на старое место. И в эти дни прекрати все слежки, а то испортишь дело.

– Понял, – тогда я поехал на чердак, – сказал Витёк, засовывая коробку с вином в почтовую сумку.

– Давай, не мешкай только, – пытаюсь скорее выпроводить, Витька. Потом подумал, опомнился и остановил его:

– Погоди, возможно, мне твоя помощь и нужна, будет, – вслух размышлял он, – я это здание хорошо знаю. Мне не один раз приходилось рейды туда делать. Если я приду в девять вечера и устрою там засаду, а Колчин придёт к десяти. Я дожусь, когда он положит пистолет в коробку, и на выходе его возьму. Защёлкну ему руки и отведу в любое помещение. Там я ему и ноги зафиксирую, чтобы не видел его этот Карабас. Пистолет положу на место, а обойму опущу в карман Колчаку. А сам буду дожидаться Карабаса, но наверху, чтобы эту лестницу верёвочную положить на место. Придёт Карабас, спустится вниз, тут он от меня никуда не денется. Вызову сразу наряд. Двоих преступников за один день. Мне и орден могут за это дать. Отлично будет, – предвкушал он почёт.

– Мы встречаемся с тобой в двадцать тридцать у госбанка и идем к зданию, – сказал он Вите. – Я спускаюсь, ты за мной убираешь трап. Засовываешь его на старое место и отправляешься быстро домой. А я буду этих голубков дожидаться в засаде. Возьму их, подам начальнику управления ходатайство, чтобы тебя на день милиции наградили часами наручными с монограммой.

Витёк расплылся в довольной улыбке:

– Я такие часы и одевать на руку не буду, положу их в сервант и буду гостям показывать. Может, в свой праздник на день милиции одену, – мечтательно говорил Витёк, – а так, я их беречь буду. И грамоту не забудьте подарить, – напомнил Витя Ланину.

– Будет тебе и грамота! – улыбался Ланин, выпроваживая Витю из кабинета.

В субботу, как, договорились в двадцать тридцать Ланин на мотоцикле Хонда, подъехал к госбанку. Он был одет в кожаную куртку. На улице моросил неприятный дождь, и холодный

ветер безжалостно срывал с деревьев ещё не совсем пожелтевшую листву. Витя, стоял в синем дождевике, спрятавшись от ветра под ёлку.

– Наконец – то, я уж думал вы, не приедете, – сказал Витёк, – ооченел, дожидаясь вас.

– Как это не приеду, – это для меня звёздный случай, которым я должен умело воспользоваться, – воодушевлённо произнёс он.

– Соболев, – крикнул он дежурному милиционеру банка, – я мотоцикл на пару, троечку часов оставлю под ёлочкой. Присмотри за ним, магарыч с меня.

– Пускай стоит, куда он денется, – ответил Соболев.

Ланин и Леонов перешли Интернациональную улицу и направились к графским развалинам. Остановившись около бункера, где валялась перевёрнутая ёмкость с многолетним, не выработанным раствором, превратившимся с годами в монолит. Ланин обозрел местность и не найдя ничего подозрительного, приказал Витьку:

– Загляни под низ, вытаскивай трап?

Грузному и неповоротливому Витьку, просто так легко согнуться и достать трап, мешал большой живот, и ему пришлось, коленями приземлится на влажную землю, от чего он начал ворчать себе под нос.

– Что ты говоришь? – спросил Ланин.

– Я говорю, вроде нет никакого здесь трапа, – ответил ему Витёк.

– Не может быть, – не поверил ему Ланин, – я в обед его лично своими руками щупал.

Руку суй дальше, – советовал ему капитан.

– Ага, нащупал. Вот он родной, – облегчённо, сказал Витёк, – крепко ухватив рукой под днищем ёмкости, небольшой верёвочный трап. Он извлёк его и бросил к бункеру.

– Арматуру там, посмотри? – командовал Ланин.

Витьку пришлось ещё раз упасть коленями на сырую землю. Арматуру он нашёл быстро и протянул её Ланину:

– Господин штабс – майор, – простодушно обратился Витёк, – будете на меня ходатайство писать на часы, добавьте там, что при выполнении опасного задания, мои брюки пришли в негодность. Может, мне брюки ещё подарят, а лучше костюм. Витёк задумался, а потом добавил. – Не мешало бы джинсовый, он стирается хорошо.

– Мечтать не вредно, – ответил ему Ланин.

Вытащив пистолет из кобуры, и покрутив перед лицом Вити, он засунул его назад.

– Настоящий пистоль? – спросил Витёк.

– Естественно не игрушечный, – раздражённо сказал Ланин.

– Серьёзная вещь, дайте поддержать? – попросил Витя.

– Не положено, – рявкнул на него Ланин, – чего стоишь, закрепляй трап?

– Я в этом ничего не понимаю, – прикидывался дуриком Витёк. – Привяжу неправильно, вы сорвётесь на хрен. Ногу сломаете, а потом сами меня в тюрьму и посадите.

Ланин ничего, не говоря, поднял трап с земли и за монтажную петлю прикрепил его. Подёргав трап, проверяя на прочность, он спустился вниз.

– Снимай его и ложи на старое место? – крикнул он с подвала, – а сам без промедления домой иди.

– Понял, – вытаскивая арматурный прут из петли, ответил ему Витёк. – А рацию вы не взяли с собой? – спрашивал его сверху Витя.

– Откуда такая роскошь, беги домой немедленно, – нащупал он в кармане мобильный телефон.

Витя скрутил трап, взял его под мышку и пошёл к Колчаку, который с нетерпением ждал его у себя дома.

Витя Леонов, через десять минут уже давил на кнопку звонка, квартиры Колчиных.

Они сели на подоконник окна в подъезде, и Витя рассказал о его с майором успешно проведённой секретной операции. Как он хорошо прикидывался простаком, и как опер добровольно загнал себя в клетку, откуда ему раньше утра не выбраться.

– Витя, ты молодчина и гениально талантлив, не меньше Славки Фролова. Ты не представляешь, как ты мне помог. Считаю мы с тобой вдвоём, без чьей – либо помощи опустили эту ментовскую суку, не только в подвал, но и по работе.

– Владимир, а зачем тебе это надо, я не пойму? – спросил Витек, – плюнул бы к чёрту на него и жил спокойно, как сейчас, живёшь. Ты знаешь, какие разговоры, ходили в городе о тебе, просто легенды. Придёт Колчак, весь город выстроит по росту. А ты освободился, никого не строишь, даже галстук иногда одеваешь.

Колчак развеселился от слов Вити и сказал:

– Витя, тебе не понять этого. Кто мне не даёт спокойно и хорошо жить, я перед ним сопли жевать не буду. Убивать и резать я ни кого не собираюсь, а действую их методами, отравляя им немного жизнь. И делаю, я это, для того, чтобы живительным бальзамом ополоснуть свою душу. Я по жизни весёлый человек и приколы люблю.

– Такого я не пил, – сказал Витёк. – Рижский пробовал, Корень один раз угощал.

– Я тебе, не об этом бальзаме толкую, – перебил его Колчак. – Ну ладно, после я тебе про бальзамы расскажу. Теперь слушай внимательно меня.

– Ланин кипишь, насчёт тебя подымать не станет после этой темноты. Даже фамилии твоей называть побоится. За такое привлечение непрофессионала он может с работы улететь. Но при случайных личных встречах, которые ты с сегодняшнего дня должен избегать, так – же продолжай перед ним представляться лаптем. Говори, что ты действовал согласно вашей инструкции, больше ничего не знаешь. А будет на тебя давить. Скажи, что пойдёшь к начальнику или прокурору и потребуешь от них обещанные вами часы и костюм. Скажешь, что я, мол, жизнью рисковал не меньше вашего, так, как вы были вооружены пистолетом, а у меня скажи, даже перочинного ножичка не было. Начинай сам на него давить. Требуешь, чтобы он часы выложил тебе. Понял?

– Конечно, понял, – потирая ладони, ответил Витёк, – умный ты Владимир, как Ленин. А трап, куда девать будем? – спросил он.

– Положи его пока себе в сарай, когда может ещё пригодиться, – сказал Колчак.

– Да забыл тебе сказать, – вспомнил Витёк, – Ланин с собой в подвал взял двое наручников, чтобы тебя и Карабаса связывать. Сказал, что с Короля сегодня снимет корону, то есть с тебя.

– Пускай сковывает теперь себя ими сам, а корону я добровольно сбросил, как только прошёл турникет вахты учреждения заключённых, – ответил Колчак.

– А кто, такой Карабас? – поинтересовался Витёк.

– Директор кукольного театра, – весело сказал ему Колчак.

После чего он протянул с благодарностью Витьку руку на прощание и пошёл домой.

Он оделся и направился по улице Ворошилова к недостроенному зданию. Ланин в эту холодную субботнюю ночь сидел в глухой засаде, постоянно меняя подвальную дислокацию. Хорошо хоть, что можно было, куда – то спрятаться от дождя, но от пронизывающего холода спасти не удавалось. Он уже начал прыгать и приседать, похлопывая себя по кожаной куртке. Посмотрев на часы, стрелки показывали двадцать три часа тридцать минут. Он стал сомневаться в том, что, кто – то может появиться в это время в подвале. И не догадываясь, что сверху за ним наблюдали несколько пар любопытных глаз, закурил.

Ланин пошёл к плите, где была спрятана коробка. Достав и открыв её, кроме свёрнутой бумаги он в ней ничего не обнаружил. Посветив спичками, он прочитал в записке.

Всё ничтяк, спасибо. Верну утром в ближайшую субботу тебе на чердак. Там и долю свою возьмёшь. Извини, что планы поменял, ситуация резко изменилась.

КАРАБАС.

«Выходит, они раньше меня побывали здесь, – расстроено думал он. – Значит, они, где – то пересеклись и поменяли время. Ах, злодеи, ну в субботу я вас встречу. Теперь надо сообразить, как выбраться отсюда. Высота бункера метров пять, мне её не одолеть. Несущей стены и того больше все пятнадцать метров будет. Подвальные окна, по настоянию милиции, чтобы мальчишки не лазили, давно были заложены кирпичом, что ни одной щелочки нет»

Он вспомнил про служебный мобильный телефон, но из этого подвала связь была не доступна.

Опустив телефон в карман куртки, он с досады громко выругался и опять начал вслух рассуждать:

– Надо будет Трубу с Владыкой на этого урку натравить. Они ему мозги выбьют без промедления. А сейчас буду встречать рассвет, когда народ на работу пойдёт и кричать громко, чтобы быть услышанным. – Он пробежал несколько кругов по помещению, чтобы согреться, но тепло к нему всё равно не приходило. – Сегодня – же воскресенье, – вспомнил он. – В девять часов народ, как на демонстрацию идёт на рынок. В это время я и буду кричать. Теперь, нужно, как – то согреться. Костёр, – разве разжечь? Не – то воспаление лёгких в такую погоду опять заработаешь.

...Он стал рыскать по подвалу, обойдя все каморки, но не нашёл, ни одной палки. Главное помещение находилось под открытым небом, где росла рябина, с прогнувшимися от тяжёлых гроздьев, ветками.

Ланин наломал рябиновых веток, оборвав ягоды, и занёс их в ближайшую каморку, но разжечь костёр не удалось. Ветки были пропитаны многодневной дождевой влагой.

Он был в гневе. Он был зол на весь мир. Даже с костром ему не повезло. Неудача обогреться, ему удвоила злость и ненависть к Колчаку.

– Сволочь, тюремщик, – орал он на весь подвал, – я доберусь до тебя. Попадёшься ты мне.

– Мужик ты чего, туда залез? – услышал он сверху голос пацанов.

Он поднял голову кверху. На краю стены Ланин увидел двух парней, лиц которых было не видать.

– Ребята выручайте, там внизу около бункера бадья валяется, возьмите под ней верёвочную лестницу и спустите мне её оттуда? Я вам за это на жвачку и мороженое денег дам. – Посулил он им, радуясь, что среди такой мерзопакостной ночи он встретил живые души.

– Ты чего мужик промок там совсем, что детские угощения нам предлагаешь? – кричали они, – мы давно вино и водку употребляем. Дашь пятьсот рублей, исполним твою просьбу, а не дашь, сиди там до посинения.

– Я уже и так синий. Дам без вопросов, только вытащите? – умолял он ребят.

– Покажи деньги, вдруг обманешь? – крикнули они ему.

– У меня портмоне, вы с такой высоты и в темень ничего не увидите, а деньги у меня есть.

– Мы тебе сейчас проволоку спустим, – вторил ему голос мальчишки. – Ты нам привяжешь к ней купюру, потом мы всё сделаем для тебя.

– Добро, только быстрее, ребята, пожалуйста, шевелитесь там?

Через некоторое время по стене поползли куски проволоки, скрученные между собой. Ланин прикрутил две пятисотенную купюру к концу проволоки и крикнул, чтобы они тянули кверху её.

Взяв денежку, они ушли с поля зрения Ланина.

Выкурив по сигарете, пацаны вновь появились перед взором Ланина.

– Мужик, там нет никакой лестницы, мы всё кругом облазили, – сказали они.
– Верёвочная лестница должна обязательно там быть, – доказывал он им.
– Была бы, скинули, но там пусто, – уверяли они его.
– Тогда найдите, какую – ни будь доску, – длинную только. И спустите её в бункер, я вылезу по ней.
– Здесь чурки не найдёшь, не то что доску, – ответили они.
– Ребята, а вы где живёте, если рядом, то может, сбегаете домой, принесёте лестницу или верёвку.
– Мы здесь недалеко, на Ворошилова улице живём, – но просто так не пойдём. Погоди минутку, мы посоветуемся, – и скрылись из виду.
Через минуту они вновь показались.
– Эй, мужик, – крикнули ребята, – привязывай ещё пятьсот рублей? Так и быть, через пять минут мы лестницу принесём из дома.
Ланин тяжело вздохнул, но деваться было некуда, и он крикнул:
– Согласен. Спускайте проволоку.
По стене поползла проволока, но на конце было уже привязано дырявое ведро. Подняв наверх деньги, парни, крикнули, чтобы он их ждал, и скрылись в ночи.
– Неужели стервецы обманут? – размышлял он вслух, – все деньги вытянули у меня почти.
– Мужик, – услышал он. Вверху стоял уже один парень.
– Принесли лестницу? – спросил Ланин.
– Бяшку, родители не выпустили, он ещё молодой, а я один тяжёлую лестницу не донесу. Я отцу сказал, про тебя. Он у меня сегодня брагу весь день лакал. Говорит, если вы и на его долю, столик приплёте, то он поможет донести и спустить лестницу. Он просил спросить, не бандит – ли вы?
– Я работник милиции, у меня мотоцикл Хонда через дорогу, у госбанка на Интернациональной улице стоит. Опускай для своего бати, проволоку?
Вытащив наверх, ещё сто рублей, парень по кличке Жаба спустился спокойно вниз по лестничным маршам парадного входа, где его ждали Колчак и друг Ус. Эти были те парни, которые за Витю Леонова получили от Колчака совсем недавно селёдкой по щекам.
– Ещё сотню, вытянул у него, – протянул он купюру Колчаку.
– Эту себе возьмите, заработали, – сказал Колчак.
– Языком лишнего не болтать. Меня вы не знаете, ко мне на работу не приходит пока. Хотя я временно не работаю. Нужны будете, я вас сам найду, – и он направился домой.
... Парни от графских развалин вышли на Интернациональную улицу. Проходя мимо госбанка они увидели сиротливо стоявшую без присмотра Хонду.
– Может, на ней доедем до посёлка? – предложил Жаба Усу. – В баню затащим, никто не заметит, все спят. Время уже, наверное, два часа, а потом на запчасти разберём, и продадим.
... Ланин в это время, не дождавшись ни преступников, ни парня с лестницей и отцом, отчаявшись и замёрзнув от холода, начал бегать по подвалу, раздумывая о нечестности людей. Мерзкие и сопливые шкеты нажгли меня, на бабки. Жалко лиц не видал их, но голоса у меня в мозговом полушарии сохранились, тем более живут, где – то рядом. В это время он не знал, что лишился и своего байка, – элитного японского мотоцикла.
Из подвала его вызволили только в восемь утра, когда он охрип от крика и начал стрелять в воздух. На выстрелы приехали два наряда милиции. Они окружили графские развалины, надеясь арестовать возмутителей спокойствия и тишины, но нашли там простуженного и охрипшего Ланина. Они сбросили ему чалку из автомобиля и вытащили его из подвала. За использованные пули и странное проникновение в подвал ему пришлось давать объяснение начальнику милиции Ермошину.

– От своего проверенного осведомителя я узнал, что готовится преступление с применением огнестрельного оружия. Источник верный и надёжный, он изъял записку, которую я прочитал, где было написано нахождение пистолета. Записку поместили на старое место, а я решил проследить, кто придёт за стволом. Спустился и устроил засаду, но пистолет, по-видимому, взяли раньше, так, как в коробке я обнаружил эту записку, – прохрипел Ланин, протягивая записку начальнику милиции.

– Ты мне басни не рассказывай? – взял записку у Ланина Ермошин, – ты майор уголовного розыска, а ведёшь себя как не оперившийся стажёр. Полез в логово самовольно один, не согласовав ни с кем свои действия. Можно было с Гридиным посоветоваться? Или ты сам с усам?

– Товарищ подполковник, время было на исходе, – кривил душой Ланин.

Ермошин прочитал записку:

– Ничего не понимаю? – сказал он. – Здесь об оружии ничего не сказано.

– О пистолете было сказано в первой записке, которую необходимо было вернуть на старое место, чтобы обнаружить преступников, – доложил Ланин.

– Гридин, – обратился начальник милиции к своему заму, – нужно срочно проверить по нашей картотеке этого Карабаса. А кто хозяин пистолета? – спросил он у капитана.

– Полагаю, что хозяин и автор первой записки, недавно освободившийся из мест заключения Владимир Колчин, по кличке Колчак.

– Известная личность, – сказал Гридин, – он был осужден и приговорён к четырём годам за хранение огнестрельного оружия, когда я ещё в майорах ходил. Вальтер он нашёл у своего покойного дядьки известного законника Минина. По моим данным и словам участкового он ведёт себя вполне прилично. Женится, работает и в институт кажется, поступил. Надзор соблюдает. Я сомневаюсь, чтобы этот парень взялся за старое. Второй раз ему родные не дадут споткнуться.

– Товарищ подполковник, – обратился Ланин к Гридину, – а вы не допускаете такой возможности, что в голубятне был не один ствол, а несколько?

– Всё возможно, – сказал Гридин, – но невозможно, чтобы Колчин вторично наступал на те – же грабли. Тебя или развели как мальчишку или информатор твой что – то напутал.

– Ты вот, что Вячеслав Андреевич, особо на майора не дави. Не забывай, как он один банду взял на катамаране «ОТДЫХ». Лучше разработайте совместный план мероприятий на ближайшую субботу и мне доложите. Чувствую я, что здесь крупная рыба плавает, – сказал начальник милиции. – А мотоцикл Ланин, сам ищи. На то ты и опер. Такой техники в городе мало. По пальцам можно пересчитать.

– Я думаю, его найду, пускай не сейчас. Весной и летом он будет летать по нашим дорогам обязательно, – подогревал себя надеждами Ланин.

... На следующий день в воскресенье Колчак спал до обеда, а после с Мареком пили пиво в Утюге. Это была пельменная, где пиво потреблялось посетителями больше, чем пельменей. Там всегда было много народу, а мухи не вымирали даже зимой.

Колчак рассказал, о ночной вылазке на графские развалины и что он намеренно вызвал огонь на себя. И что в субботу на него будет совершена милицией нулевая облава, которая им ничего не принесёт. Он предложил Саньке, быть свидетелем и даже поучаствовать в веселом спектакле, на что Марек без слов согласился.

– Это будет спектакль века, и он мне удастся, – говорил Колчак. – Мы зарядимся прекрасным настроением на целый год, и вспоминать будем всю жизнь. И если будет, так, как я хочу, то думаю, Ланина они понизят в должности или совсем уволят из рядов милиции.

– Нет, их сейчас не выгоняют, а переводят на другую работу, – сказал Марек.

– Мне глубоко плевать, что с ним сделают, главное, чтобы он меня не касался. Я понимаю, попадают хамы, в автобусах, на улицах, но в милиции, это слишком. Мало того он не просто хам, а злопамятный хам.

– А мне какую ты роль отведёшь в своём спектакле? – попивая пиво, поинтересовался Марек.

– Утром часиков в десять придёшь ко мне домой. Я тебе дам чемоданчик, там будет лежать шпон красного дерева, лобзик и наждачная бумага. Зайдешь на чердак, сделай вид, что озираешься, пройдёшь к моему выброшенному старому дивану, сунешь туда чемодан, и сразу иди оттуда ко мне. Через глазок в двери посмотрим, выйдет, кто за тобой следом или нет. Если увидим кого – то, через пяток минут возьмёшь у меня мешок с маленьким трёхтонным домкратом и положишь его тоже под диван. И опять тихонько зайдешь ко мне. Понаблюдаем за дальнейшей обстановкой в глазок. Я в это время буду разводить казеиновый клей. Потом я поднимусь на чердак, а ты останешься у меня. Через десять минут ты мне банку с клеем принесёшь на чердак. А финал спектакля мы, возможно, увидим в отделении, если они рогом упрутся. Но предупреждаю, нам ничего они не предъявят и отпустят сразу. Этим спектаклем я дам понять руководству милиции, что Ланин не опер, а натуральный чмошник, который вводит в заблуждение всё управление отвлекая их от важных дел. Можно иначе поступить, закрыть засаду на замок, но они догадаются вылезти на крышу, и спустится по пожарной лестнице. Мне неизвестно, сколько их человек будет. Думаю не меньше двух.

– Ты Колчак, как был авантюрист, – таким и остался, а мы тебе все почему – то верим. С нечистой силой, наверное, знаешься? – сказал Марек.

– Нечистая сила, это люди из вонючей среды Ланина, но ты сам знаешь, как я с ним «обнимаюсь».

Поп – Арт для ментов

В понедельник, приехав с института, Колчак зашёл по пути к пацанам с посёлка, которые помогли ему вытащить деньги у Ланина. Их постоянное пристанище у озера пустовало. Он заглянул в баню, где дверь была приоткрыта. В нос ударил запах бензина. На полу лежал, разобранный по частям мотоцикл.

– Откуда такая красота? – спросил Колчак у вихрастого Уса.

– Это не чешская Ява, а японка, – ответил Ус, – люкс, а не точило. Мы с графских развалин на нём с Жабой доехали до посёлка.

– Погоди Ус, как я понимаю, мент Ланин оказал вам ещё бесплатную транспортную услугу. Подсказал, где стоит его байк.

Ус грязной рукой провёл по носу.

– А, что нам пешком надо было возвращаться в дождь? Мы мимо проходили, стоит, как беспризорник под ёлочкой напротив банка, красивый, словно подарок от деда Мороза. Подкатили его вручную к ветеринарной аптеке, а там завели и поехали. Сейчас до конца разберём и по частям продадим, а раму в озере утопим. Там у нас уже кладбище этих рам.

– Имейте в виду, Ланин, как ищейка будет весь город обнюхивать. Подключит, не только милицию, но и своих дятлов, чтобы найти пропажу. Нужно срочно избавиться вам от деталей, где имеются номера и другие приметы. Вы серьёзно лажанулись с мотором. А в озеро ничего не скидывайте, если там найдут, то на вас в первую очередь подумают.

– Почему на нас? – спросил Ус.

– Возраст у вас мотоциклетный. На мужика пятидесятилетнего не подумают. Потому что ему от велосипеда счастья хватает.

– А у нас в озере ничего не найдут, – успокоил Колчака Жаба, – водолазы утопленников уже отсюда не достают, ждут, когда они сами всплывут, тут такие глубокие места есть что замерить не возможно. Перед рассветом погрузим с Усом в лодку и утопим все улики. А остальные детали, мы знаем, кому продать.

– Главное не палитесь на пустыке и патлы свои состригите. Участковый обязательно нырнёт и в ваш посёлок, – предостерёг их Колчак, – мотоцикл этот дороже любой машины.

– Нам бояться нечего, – уверенно сказал Жаба, – мы по этой части спецы и к тому же нас скоро в армию обоих заберут. У Уса повестка уже на руках, а я завтра за ней иду.

Вовка ушёл домой, раздумывая, дорогой о поступке пацанов, которые при его содействии, так жестоко наказали ненавистного, ему Ланина.

– Ни капельки не жалко. Правильно пацаны сделали. Таких тварей только так учить и надо. После субботы он совсем озверевает или прижмёт свой куцый хвост, – тихо рассуждал Колчак, идя приволжскими лугами, – если конечно не поймёт, что я его за нос вожу.

...В субботу Марек к десяти утра пришёл к Колчаку домой. От Сани за версту разило чесноком:

– Ты чего с утра чесноку нажрался? – спросил его Колчак.

– У меня в доме все гриппуют, а чеснок хорошо оберегает от этой напасти, – ответил Марек.

– Вином надо лечить этот недуг. Ладно, бери дипломат, как я тебя учил, ничего не бойся. Всё будет ничтяк, – протянул он Саньке старый дипломат. – Я дверь не захопываю, жду тебя здесь.

Марек взял дипломат и поднялся на чердак. Он подошёл к козырьку фонаря, от которого через щели падали лучи света на старый диван. Осмотревшись шпионским взглядом вокруг, он быстро сунул дипломат под низ и спешно вышел, плотно закрыв за собой толстую и перекошенную дверь. Затем тихо вошёл в квартиру.

Колчак не успел прильнуть к глазку, как услышал знакомый со скрежетом звук чердачной двери:

– Я тебе, что сказал Марек. Поп – Арт для ментов состоялся. С премьерой нас! – шкодно сказал он, смотря в глазок.

С чердака крадучись на цыпочках спускался мужчина, держась за перила лестницы, и смотрел на нижние этажи. Лицо его определить было невозможно.

– Кто там не Ланин? – спросил Марек.

– Не знаю, вроде нет. Ланин меньше меня ростом, а этот кажется, выше будет, – сказал Колчак.

Через пять минут, убедившись, что один из членов засады не вернулся назад, Марек взял мешок с домкратом и проделал ту же процедуру, что и в первый раз. На этот раз за ним никто не вышел.

– Ясно с одним человеком засаду никто не будет устраивать. Менты не дураки. Они не оставят объект без наблюдения. Там на чердаке всё равно кто – то ещё есть, – предположил Колчак. – Теперь мой выход, я пойду подготовительными работами заниматься, а ты Саня через десять минут берёшь с плиты банку казеинового клея, свёрток на столе обмотанный изоляционной лентой, и приходишь ко мне, – понял?

– Я давно понял, – смеялся Марек, от предвкушения насладиться весёлым зрелищем.

Колчак вошёл на чердак специально создавая небольшой шумовой эффект в виде куплетов лагерного шансона. Подпрыгнув, он ухватился за перекладину, которую с Марексом смастерил, когда учились в седьмом классе. Отжавшись несколько раз, он вновь запел. Но это был уже не шансон. Это была исполненная фальцетом искажённая песня о Родине:

Родина слышит
Родина знает,
На чердаке её сын пребывает

Он подошёл к дивану и вытащил оттуда дипломат и мешок. Спокойно положил на диван, и, не прерываясь, с песни перешёл на громкую декламацию.

Вдыхая кошачьи какашки
Время напрасно теряя
Из темноты за врагом надзирая.

– Аминь! – Вы меня слышите скворцы? Враг не дремлет, – крикнул Колчак.

Он достал домкрат, поднёс его к двутавровой балке. Раскрутив до максимального вылета и оставив его в таком положении, он подошёл к дивану. Со скрипом сел на старый диван и закурил сигарету. Открыв дипломат, он отобрал пять лучших листов шпона. В это время в дверях появился Марек:

– Всё нормально? – спросил его Колчак громко, – тебя не засекли?

– Порядок, никто не видал, там нет никого, – так же громко ответил Марек.

– Спрячь пока под диван, а то они могут сюда пришлѐпать. Не дай бог увидят.

Марек засунул свёрток вниз и сел рядом с Колчаком.

– Что, тишина? – тихо на ухо спросил он, – кулисы задѐрнулись на твоей сцене?

– Не спеши? Я сейчас полезу на верх чердачного входа, а ты не двигаясь, сиди здесь, – дал установку Марек Колчак.

Колчак проворно залез на крышу пристройки входа чердака, которая находилась внутри помещения.

– Саня здесь темень страшная, – крикнул он сверху, – подай фонарик? – он в дипломате лежит.

Марек подал ему фонарик. Колчак осветил там и громко сказал:

– Фу. Слава богу, нашёл, – я спускаюсь.

Не успел он слезть сверху, как перед ним вырос мужчина с лицом вьедливого мента. Второй стоял около Марека.

– Вы чего там, наверху потеряли? – спросил он у Колчака.

– А вы кто архангелы? – С неба спустились? Покажите крылья? – начал издеваться Колчак.

Мужчина извлёк из кармана служебное удостоверение, и показал его в открытом виде, не давая в руки.

Колчак осветил фонариком и прочитал:

– Ебланов, – намеренно Вовка искажил фамилию.

– Евланов, – поправил его сотрудник милиции.

– Извините, свету мало. Не разобрал, – включил дурака Колчак, – пойдёмте к дивану, там светло?

– Вы не ответили на мой вопрос, что вы делали наверху? – переспросил опер.

– Вот напильник полукруглый искал, – показал Колчак, сжатый в кулаке напильник.

Они подошли к дивану, где начали обыскивать Колчака и Мареку, вытаскивая из кармана всё содержимое. Рулетку метровую, что лежала в заднем кармане джинсов у Колчака, они тщательно проверили по очереди. Тут в дверях появился и третий опер, который выслеживал Марека.

– Попались молодчики, – строго произнёс он, видя, что обыск идёт полным ходом.

– А это зачем? – показал Евланов на шпон.

– Не видите шпон, а рядом банка с клеем казеиновым.

Колчак поднёс к носу опера банку с вонючим клеем.

Тот, вдохнув неприятный запах, быстро отвернул лицо.

– Из этого материала мы делаем теннисные ракетки. В дипломате у меня лобзик лежит. У балки домкрат. Секрет технологии изготовления ракеток, я вам открывать не буду. Хватит того, что вы узнали, с каким клеем я работаю.

– Ты Ваньку нам тут не валяй, ракетки он делает, – сказал Евланов, – они в магазине продаются по сотне за пяток.

Колчак плюхнулся на диван и вальяжно положил ногу на ногу:

– Пятьдесят рублей, самая дешёвая ракетка, – сказал он.

– Цена невелика. Покупай и играй, сколько душе угодно, – не веря Колчаку, сказал Евланов.

– Колчак посмотрел на его кожаные дорогие туфли и спросил:

– А почему вы в дорогих туфлях по чердаку лазаете. Для таких целей сгодились бы кирзачи или лапти лыковые.

– Я офицер милиции, зачем в лаптях ходить, мне по штату положено такие туфли носить.

– А я мастер спорта, – соврал Колчак, – мне по штату положено играть ракеткой спец заказ изготовленную из африканских пород дерева, а не фанерными ракетками, на которых только лук и морковь можно резать.

– Насколько мне известно, ты мастер спорта по Греко – римской борьбе, а не по настольному теннису.

– Я перешёл на вечный вид спорта, которым можно заниматься до ста лет.

– Убедительно, но я тебе не верю, – сказал опер, который обыскивал Марека. – Встаньте с дивана, пожалуйста? – вежливо попросил он.

Колчак, изобразив недовольное лицо, не спеша, встал:

– С превеликим удовольствием, – сказал Марек, – и тоже поднялся.

Опер скинул с дивана дипломат на шлаковый утеплитель и резко перекинул диван:

– А это что? – показал он на лежащий свёрток, перетянутый изоляционной лентой.

– А это моё личное, – поднял свёрток Колчак.

– Разрешите, я взгляну, – опер протянул руку за свёртком.

Но Колчак стал при всех снимать ленту и рвать бумагу. В свёртке оказалась бутылка марочного вина, два разовых стакана, два яблока и два плода хурмы.

– Что будем делать ребята? – спросил Евланов у своих коллег.

Те оба стояли и упорно смотрели на диван:

– Что – то мебель мне подозрительная? – сказал опер, который обыскивал Марека.

По его поведению было видно, что он был у них старший:

– Давай Кочубеев, начинай осматривать диван? – дал он команду третьему оперу. Проверь идеально, каждую пружинку? А то мы здесь с Евлановым какашки вдыхали, – посмотрел он Колчаку в глаза, а ты без толку по улице шлялся.

Кочубеев снял с себя плащ и перекинул его через гимнастическую перекладину. Опрокинутый диван он поставил на ножки и начал прощупывать его со всех сторон.

Колчак в это время открыл бутылку вина и налил стакан Мареку, и себе. Выпив вино, они демонстративно надкусили сочную хурму и начали восхвалять вино.

– Хорошее вино и название у него подходящее, «Райские кущи», – произнёс Марек.

– Тонкий и неповторимый аромат, вкуснее нектара. Такого на Олимпе у Зевса и его команды точно не было, – оценил Колчак.

Кочубеев продолжал ощупывать диван, изредка поворачивая голову на своих коллег, давая понять, что положительных результатов поиск не даёт.

Колчак и Марек налили себе ещё вина и выпили.

Евланов недовольно смотрел на них, потом подошёл и сказал:

– Вы мешаєте нам работать, я сейчас карету ППС вызову и вас оформят, как испорченный товар.

– А это за что? – спросил Колчак.

Раздался треск протлевшей диванной обшивки. Кочубеев острым брелоком от ключей совершал акт вандализма над старым диваном.

– За, что вы меня спрашиваете? – продолжал Евланов, – отвечаю, – за распитие спиртных напитков в неполюженном месте.

– Вы знаете, где мы все здесь присутствующие находимся вместе с диваном? – с подвохом спросил Колчак.

– На чердаке, где – же ещё, – распарывая диван, пробасил Кочубеев.

– Правильно догадливый. На чердаке над квартирой Колчиных. И чтобы вы знали, что моя мать с братом выкупили место над квартирой у государства. Вот он, – Колчак, положил руку Мареку на плечо. – Александр Фёдорович Керенский, – директор по сбыту объединения «Воды Серафима», мой друг детства. В данный момент он мой гость и я на своей территории имею права сам выпить и его угостить, а вы незаконно вторглись без управдома на чужую территорию и испохабили антикварную мягкую мебель, принадлежащую моему праотцу писателю Тургеневу.

– Колчин перестаньте ахиною нести? – будьте серьёзнее, – сказал старший опер, которого коллеги называли Игорем.

– Я вам вполне серьёзно отвечаю, что за этот диван мать моя подымет страшный вой. Дойдёт и до министра культуры и до генерального прокурора. Сами потом не рады будете. Всё – таки вы исполосовали раритет, который имеет регистрационный номер в нашем областном музее, как историческая и редкая вещь. Этот диван является народным достоянием России. Возможно, это часть генофонда рода Тургеневых. И ночами на нём мои пращурь не давали

погаснуть нашей фамилии. Она уже оформила дарственную, для музея и за ним в среду должны были приехать. А вам сейчас нужно хорошо подумать, как вы будете изворачиваться, и отвечать за порчу раритета?

– Если ты и твои родственники Захар и Серый Беда зачинались на этом диване, то его место явно не в музее, а в хорошей котельной топке, – зло заявил Евланов.

– Если бы больше таких людей было на земле, как я и мои родственники, то вы бы без результативной работы остались, – парировал Колчак.

– Что – то есть. Прощупывается, какой – то свёрток, – обрадовал своих коллег Кочубеев.

Евланов и Игорь, разочаровавшись, и потеряв все надежды найти преступную улику, оживлённо склонились к дивану.

– Свёрток большой, я его так не вытащу. Нужно покрывало рвать дальше, – сказал Кочубеев.

– Ну, рви, чего смотришь? – приказал Евланов.

– Вы, что не слышали, какую он легенду рассказал про эту рухлядь? – сказал Кочубеев.

– Ты чего несёшь? – Не видишь, он издевается над нами, – накинулся на него Евланов, – кому он нужен колченогий и просанный?

Кочубеев разорвал в лохмотья всю покрывало дивана и извлёк оттуда большой толстый матерчатый свёрток, перевязанный отрезком бельевой верёвки. Игорь оттолкнул всех от свёртка и сумбурно начал развязывать запутанные узлы, не хотевшие никак поддаваться пальцам похожие на барабанные палочки.

Когда он разобрался с тугими узлами и развернул тряпку, которая оказалась дверным половиком, их взору предстала одноглазая пластмассовая кукла и детский пробковый пистолет, завёрнутый в завядшие листья лопуха.

Игорь и Евланов заметно сникли. Оживлённые и искрившие минуту назад глаза, мгновенно потухли.

– Вот бестия проклятая, – с досадой сказал Игорь, – не понятно только было, в чей адрес он опустил эту фразу.

Кочубеев взял в руки одноглазую куклу, которая как им всем показалось, смеялась над ними. Так, как её первоначально прямые губы, имели продолжение до ушей, подрисованные красной гуашью. Он поднял куклу вверх и хотел закинуть её. Но услышав, что она, как погремушка издаёт посторонние звуки, сказал:

– Там внутри что – то есть, – и лихорадочно открутив ей голову, заглянул в её чрево. Потом, как эксперт парфюмерной фабрики несколько раз втянул глубоко носом.

– Кажись, Муркино засохшее говно, – сказал опечалено он и бросил куклу на шлак.

Евланов, громко и истерически на весь чердак рассмеялся:

– Присидеть в темноте и пыли три часа, за одноглазую куклу, начинённую кошачьими катышками и голубца из лопухов. Нас на смех подымут в управлении за такую операцию.

Игорь, улыбаясь, успокаивал Евланова:

– Не отчаивайся ты так сильно. Всё будет нормально. Шеф нас послал сюда. Не будет он позорить себя и вверенный ему уголовный розыск. Пускай за дезинформацию спрашивает у Ланина, когда он выздоровеет, а за спрятанный для нас клад, спросит у многоуважаемого Колчина. Это он такую добродетель оказал всей нашей милиции.

– А вы, что хотели здесь найти? – спросил Колчак у Игоря, вставая с трубы, опрокинув закатившего смехом Марека, – противоздушную артиллерию? – Извините, что не оправдал ваших надежд? Даже если бы вы, что – то здесь и нашли ничего повесить, вам на меня бы не удалось. И напрасно вы приплываете мне этот клад. Здесь детвора постоянно играет, когда на улице дождь. Вы посмотрите, сколько игрушек поломанных и детских книг разбросано по всему чердаку? Жалко, что вы понятых не пригласили сюда, полюбоваться вашей оперативной работой, – с поддельным сожалением, сказал Вовка.

Он прошёл немного, нагнулся и подобрал смятую машину без колёс и рваный небольшой мяч, которые сам положил два дня назад.

– Видите? – показал он им, – такого добра, если прочесать весь чердак. Целый самосвал можно нагрузить. А я здесь бываю почти каждый день, чтобы подтянуться на перекладине, да экспериментальную ракетку смастерить. И насчёт дивана я правду вам сказал. И что я потомок Тургенева, это тоже истинная, правда. Василий Николаевич Тургенев, известный всему городу человек приходится мне двоюродным прадедом. А если вы его не знаете, советую заглянуть в наш местный краеведческий музей. Вы там всё узнаете о нём и о нашем Тургеневском роде. Вот так граждане опера! Пришла пора вам вплотную заняться личной гигиеной. В общем, подмывайтесь тщательно. Думаю, ваш косяк ляжет на стол областному комиссару?

Улыбка спала с лица Игоря. И Евланов, поверив словам Колчака, озаботился возникшими перед ними неприятностями, сказал:

– Мы действовали согласно полученным инструкциям. И отчёт за свои действия перед тобой держать, не думаем. Рангом не вышел и ко всему прочему молодой ещё.

– А я не требую от вас ничего. Я просто вас предупреждаю, что в ближайшее время вам придётся познакомиться с чудовищным запасом слов, ужасной женщины, которая является моей мамой. И если вы мне не верите, то можете узнать у вашего непосредственного начальника Ланина. Он уже имел горький опыт пообщаться с ней.

– Если этот диван имеет историческую ценность. Почему ты нас сразу не предупредил об этом? – спросил Евланов.

– Я отвлёкся в тот момент. Бутылку открывал, а когда опомнился, ваш Кочубеев дивану уже хакири сделал, – сказал Колчак. – А сегодняшняя операция уголовного розыска является подтверждением моих слов о безрезультативности вашей работы, – заключил он.

– Удручённо свесив головы, опера, с понуренным видом, покинули чердак, не закрыв за собой дверь. Не успели они выйти, Марек опять попытался создавшую Колчаком ситуацию озвучить безудержным смехом. Но Колчак закрыл ему рот ладонью.

– Потерпи немного, пускай они уйдут. Нельзя им откровенно в лицо смеяться. Сочтут это за личное оскорбление и помимо Ланина у меня ещё три врага появятся.

Убедившись, что опера вышли из подъезда они допили вино и на славу повеселились.

– Колчак, а операм, ты правду сказал про Василия Николаевича Тургенева или обманул? – спросил Санька.

– А ты его знаешь?

– А как – же у нас дачи раньше рядом были. Он много лет работал большим начальником судостроительного завода. А дочка у него в Австралии живёт.

– Правильно, Геля уехала, – подтвердил слова друга Колчак, – а старшая дочь Тамара и правнуки с ним пока живут, но тоже на чемоданах сидят. Вероятно скоро уедут к папуасам.

– А я вначале подумал, что ты заливаешь, ментам про всё, – говорил Санька, – еле сдерживал смех, а видишь, правдой оказалось. Что теперь с диваном будете делать?

– Саня, этому дивану всего лишь пятнадцать лет. Ему место только на чердаке. Он стоит здесь три месяца и ещё простоит десять лет.

– Ну, ты и прогнал им тюльпана, а они ведь всё за чистую монету приняли. Узнают, что ты их лаптями выставил, беды не оберёшься, – сказал Марек.

– Саня это менты порядочные были, а не твари последние. Другие бы нам без стеснения за этот трюк от души по бокам надавали. А эти с юмором, как мне показалось, отнеслись. И я им постараюсь простить варварское отношение к ветхому дивану. Приблизительно знаю, что последует после этого незадачливого для них шмона. В понедельник я пойду на отметку, и мне этот Поп – Арт, припомнят.

Марек открыв рот, внимательно слушал друга:

– Я им предложу ченч, – продолжал Колчак излагать новый план. – Они мне я им и все будут довольны. Согласись диван, хоть и непригодный, но посмотри в нём, много есть чего от дворянина. Почему они и поверили моей белиберде.

– Ты сказку о диване заранее планировал? – ковыряя спичкой в зубах, спросил Марек.

– Под воздействием вина навеяло. Главное было не перегнуть палку о роли исторического дивана, чтобы не улыбок и смешков на лице не присутствовало. Правдиво врать, – это тоже один из жанров искусства. Я вот могу завтра во дворе сообщить, что встретил гуманоидов. И скажу, что они меня предупредили о конце света, который наступит в ближайшие дни. Уверю тебя, мне все поверят, – объяснил Колчак.

– Что за тобой такой талант водится, для меня и пацанов наших не в диковинку. Теперь и Жига от тебя эстафету перенял. Брехуном стал конченным. Шаг сделает, двадцать слов наврёт, и сам смеётся.

– Всё Саня сворачиваемся, – сказал Колчак, – я пойду сейчас Полину встречать.

...В понедельник вечером на отметке в милиции, дежурный ему сказал, чтобы он зашёл в кабинет к Гридину. Колчак проглотил несколько раз, набравший в себя воздух, и пошёл на второй этаж. Подполковник сидел за столом и пил чай.

– Проходи, чай будешь пить? – предложил он.

– Нет спасибо, меня к ужину дома ждут, – тактично отказался Колчак.

– Расскажи, как живёшь, чем занимаешься? – спросил Гридин.

– А зачем рассказывать, вы и так всё обо мне знаете. Каждый мой шаг фиксируете. Надо мной и так все смеются. Говорят, не ценит тебя милиция, приставили за тобой следить больного на голову и самого неуклюжего и толстого шпиона, – моего соседа Витю Леонова. Он бедный рыбачить ежедневно приезжает на своём женском драндулете, где я работаю, и следит за мной. Я же не глупый вижу всё. Куда я, туда и Витя. Я на стадион, и он за мной. Я иду жену встречать, и он тоже сзади плетётся. Я на чердак, на турнике иду отжаться, а он уже в засаде сидит. Смешно ощущать, что сзади тебя плывёт сто пятьдесят килограммов живого веса. Это сестра его не знает, что вы больного человека, инвалида третьей группы используете в своих целях. Она вам такую катавасию устроит.

– Я не пойму о чём ты говоришь? Для меня подобное известие, что к тебе приставлен какой – то хвост, является сплошным абсурдом. На тебя нет ни каких жалоб. Зачем милиции к таким законопослушным гражданам филеров приставлять, – сказал Гридин.

– Ваш Ланин проходу мне не даёт, почти ежедневно, ходит меня домой проверять и твердит одно, что посадит.

– Не может быть такого, его никто не уполномочивал заниматься тобой. Это функция не уголовного розыска. К тому же он болен сейчас, – не поверил словам Колчака Гридин.

– Вы мне не верите, спросите родственников, соседей. Он даже в день рождения моей матери удумал прийти, когда в квартире было много гостей.

– Извини, я этого не знал. Он ведь у нас лицо привилегированное, пришёл работать с подачи лохматой руки, после расформирования исполкома. Хотя у него было тогда юридическое образование, но опыта работы в органах не имел. А сейчас областное начальство считает его одним из лучших сотрудников нашего управления.

Гридин смотрел в глаза Колчака, не отводя своего изучающего взгляда.

– Мне безразличен ваш майор и будет лучше, если вы оградите меня от его опеки. Я по натуре человек не злой, но если он в подобном духе и дальше будет интересоваться мной, то я прославлю вашего чекиста на всю Россию.

– Будь уверен, от этого я тебя освобожу, – уверенно сказал Гридин.

– Да уж, пожалуйста.

– Только ты больше не разводи его на липовых малявах, на которые он клюёт в заглот до самой прямой кишки. Сейчас он лечит свой фурункулёз и исполняет аллилуйя своему пропавшему мотоциклу.

– Вначале вы меня не поняли, о чем я говорил. Теперь я не понимаю, о чём вы мне говорите, – прикинулся непонимающим Колчак.

– Это пока мои личные догадки, – сказал Гридин. – Я бы тебе знаешь, что посоветовал.

– Пока не знаю, – ответил Колчак.

– Ланин служака. У него и в администрации города и прокуратуре есть свои люди, у которых под рукой расположены влиятельные кнопки. Если быть точнее, то он человек с обширными связями. Ты в его лице врага себе недоброго нажил. Я ему, конечно, запрещаю контролировать тебя. Но улица даёт ему большие манёвры, чтобы зацепить тебя на мелочи, за что другому и пятнадцать суток не дадут, а тебя к сроку могут приговорить.

– Если он от меня не отстанет, я его просто убью, можете так ему и передать, – гневно сказал Колчак.

– Серьёзное заявление, – заметил Гридин, выслушав Колчака, – придётся тебя уберечь от убийственной статьи, – пообещал он.

– Да уж, прошу вас? У меня жена молодая, не хотелось бы её подвергать на долготлетнее одиночество и себе судьбу омрачить не желаю. Но я могу стартовать со злости, и тогда труба придёт Ланину.

– Я все силы приложу, чтобы этого не произошло, – сказал Гридин, а сейчас я с тобой хочу поговорить о субботнем курьёзе, произошедшем на чердаке вашего дома. Работники милиции оказались там по специальной разработке, не зная, что получены неверные сведения. Не буду скрывать, что стрелка компаса показывала именно на тебя. Но компас оказался неисправным, и мои подопечные настрогали там стружек.

– Дальше можете не продолжать, – перебил его Вовка, – я добро помню и ценю. И об уникальном диване вы можете забыть. Его всё равно в музее реставрировать полностью будут.

Гридин больше ничего не сказал, а только пожал руку Колчаку, давая понять, что вопросов у него больше нет.

Они оба удовлетворённые успешным исходом беседы мирно расстались.

После этого Колчак дал Вите Леонову установку, чтобы он требовал при встрече у Ланина обещанные часы. Но тот после выздоровления не только Витю избегал, но и Колчака обходил стороной. Жабу и Уса забрали в армию, и перспективы найти пропавший мотоцикл, у Ланина сводились к нулю. Но он об этом не знал.

Преломление любви

В следующий субботний день Полина, с утра ушла на работу, поцеловав спящего мужа, и прошептала ему на ухо, что бы он её обязательно встретил с работы. Как только, за Полиной захлопнулась дверь. Вовка поднялся с постели. Привёл себя в порядок, не забыв облить себя туалетной водой.

Мать ещё спала. Он вышел в коридор и позвонил по телефону Марек, пригласив его к себе домой. Сашка жил на втором этаже и тут – же поднялся к нему.

– Чего тебе не спится, – недовольно проворчал он.

– Давай немного отдохнём? Вино у меня классное есть, – предложил довольный собой Колчак.

– Давай, – с радостью согласился Марек. – Хорошее вино? – поинтересовался он.

– Отличное. Тебе понравится, я сам его вчера впервые пил. Бутылки стояли, но я к ним не притрагивался. Сейчас оценишь!

– Пошли только на чердак? – сказал Марек, – там уютно и тепло, мешать никому не будем. Колчак принёс дыню и бутылку марочного вина «Массандра».

Выпив первый фужер Марек сразу оценил его вкус:

– Где купил? – спросил он.

– Полина с ресторана носит, им на пропитку коньяк и его дают. Такое вино и коньяк в нашем доме имеются, – похвастался Колчак, – я не говорю уже о яйцах, муке, сахаре и орехах.

– С её профессией тебе можно не работать, – позавидовал Марек.

– Я и так не работаю, дурака валяю. У нас в порту при моей должности, если даже захочешь найти работу, не найдёшь. Механик говорит, что настоящая работа начнётся, когда закончится навигация. Будут производить капитальные ремонты порталных и плавучих кранов. А я преисполнен желанием, рассчитаться оттуда. Моё сознание мне подсказывает: Завёл семью, – ищи настоящую работу. Если я буду ленивым главой семейства, то путёвой и крепкой семьи не будет, а Полину я люблю и возможно месяцев через девять, буду отцом.

– Тебе и Надька нравится, – сказал Санька, – я видал, как вы оба любовались друг другом, поэтому мы с Витькой и пошли капусту рубить. Сеть – то я взял тогда у него.

– Сеть обязательно сохрани, вдруг пригодится когда. А Надька приятная вызывает у меня интерес, как женщина, но жить с ней я бы не стал. Понимаешь Саня, она мне как родственница. Сколько лет рядом находится. Правда, за четыре года я немного отвык от неё и отторжение, какое – то непонятное всё равно существует.

– А почему бы ты с ней жить не смог? – спросил Марек.

– Слишком она умная, хотя я тоже не совсем тупой. Проводить с ней ежедневные квартирные диспуты, это с ума можно рехнуться. В семье хватит одного умника. И желательно, чтобы это был мужчина, а жене достаточно быть мудрой, как Клеопатра или Шахерезада. Ум для жены непозволительная роскошь. Он женщине приносит только несчастье в семейной жизни. Надьке нужен муж подкаблучник. С ним она будет счастлива. В этом я уверен. Вот Лара наша, очень умная женщина и вдобавок красивая, а счастья то нет. Я часто думал о ней в заключении. Лара с момента моего созревания всегда для меня была желанной женщиной.

– В точности такая же, как Надька, поэтому и не замужем, – сказал Марек.

– Саня у меня хоть жизненный опыт и скудный, так, как я молодой ещё, но некоторые мудрые теории я хорошо усвоил по книгам и общением с людьми, которые имели печальный опыт брака. А к Ларе я в гости зайду, может даже скоро. Она совсем не как Надька, а намного опытней и сексуальней.

Колчак в этот момент о Полине не думал. Разговор о Ларе, разворошил его память и подтолкнул к активным действиям, и он решил не откладывать, а нанести ей немедленно визит.

Расставшись с Мареком он достал из холодильника бутылку Янтарного вина. Купив коробку конфет в магазине, он вскоре стоял у её двери. Она была в это время дома. Открыв дверь, Лара вначале не поняла, кто стоит перед ней. Замерев от неожиданности на миг, и опомнившись, она обхватила обоими, руками шею Колчака, с материнской лаской прижалась к его щеке.

– Вовка, какой ты повзрослевший. Как я рада тебя видеть. Почему, пришёл давно, а мне не показался? Я всё лето дома была. Никуда не ездила, – говорила она, раздевая Колчака на ходу.

Немного смутившись от такой контактной и приятной встречи, Колчак почувствовал, что лицо его обдало жаром. Чтобы Лара не заметила за ним такой слабости, он сунул ей в руки коробку конфет, и специально задержался у своей куртки, засовывая руки по разным карманам, чтобы она не заметила его волнение. Он быстро взял себя в руки и вытащил бутылку вина из кармана и поставил её на стол.

– Всё это лишнее, зачем такие хлопоты, главное ты пришёл. Я ведь грешным делом думала, ты на меня обиду держишь. Ни одного письма не прислал. Все известия о тебе, через десятые руки или от твоей мамы доходили, которую я редко вижу в последнее время.

– А она сейчас на двух работах трудится. Да и на дом подработку от студентов берёт, – сообщил Колчак, – вот и не видите.

– В нашем дворе вроде трудно затеряться, всё равно, хоть раз в месяц, но встретиться можно. Я всё лето считай, был дома, а Надежду встретил только недавно. – Почему? – Потому что, я занят работой, а не работал бы, чаще тогда и встречались.

– Надя всё лето была с мужем в деревне у его родителей, хотя замужней дамой официально стала совсем недавно.

– Наверное, коров доила? – рассматривая стеллажи с книгами, отвлечённо спросил он.

Лара готовила стол. Когда Колчак повернулся, на журнальном столике стояли два фужера и тарелки с салатами.

– Вы Лара, – он замешкался, из головы вдруг выпало её отчество.

Она заметила его замешательство. И с интересом посмотрев на него, протирая полотенцем вилки, сказала:

– Можно, можно меня Ларой называть. Я знаю, что вы все меня промеж собой так звали и зовёте.

– Я так не могу, субординация между преподавателем и учеником должна быть.

– О какой субординации ты вспомнил. Мы давно уже обладаем равными правами, и первой порвала нить многолетнего протокола школы моя Надя, которая на выпускном балу поставила акцент на Ларе. Неужели ты не помнишь? Я теперь для всего вашего выпуска Лара. А мне даже приятней, когда так называют. Это вначале моей педагогической деятельности мне ужасно хотелось, чтобы меня по имени и отчеству величали.

– Я любезная Лара Давидовна, хотел сказать, чтобы вы не беспокоились и не суетились. Я сытый и есть, не буду, а вы кушайте. Вы, наверное, из школы пришли?

– Я тебя и слушать не хочу, – возмутилась Лара, – с ложечки буду кормить, если сопротивляться посмеешь. А с работы я давно пришла. У меня по субботам всего один урок. Приживайся на любое кресло или на диван около меня? – предложила она.

«Успею посидеть и рядом, – подумал Колчак, – надо произвести на неё вначале хорошее впечатление, – форсировать события пока рановато».

– Я лучше сяду в кресло, напротив. Мне будет лучше видать вас, – сказал Колчак.

– Делай, как тебе удобно и чувствуй себя свободно, – одарила она его милой улыбкой.

Она сняла с себя фартук и бросила его на холодильник. Развязав ленту с головы, Лара кокетливо потрясла ей, разбросав свои волосы по плечам.

Колчак скрыто любовался ей.

– Так и будешь сидеть, сомкнув кисти на замок? – спросила она. – Поухаживай за мной и про себя не забывай?

Колчак опомнился, взял бутылку и разлил вино по фужерам:

– А где ваш шикарный антикварный комод? – спросил он.

– Вспомнил, его давно продал твой брат Август и удачно, – ответила Лара, – на вырученные деньги, приобрела новую мебель и обновила свой гардероб. Кстати где он сейчас есть?

– Он в своей стихии, на автозаводе работает. Но думаю, скоро убежит оттуда к Максиму. Завод в упадке и надолго. А Максим свой бизнес раскручивает неплохо и, кажется получается. Сейчас в Германии на переговорах. Это мне Август на моей свадьбе говорил. Вроде жениться собирается?

Она выпила немного вина и, оценив его вкусовые качества, произнесла:

– Какая прелесть вино, терпкое и насыщенное! Это, что – то невероятно – божественное! – покрутила она в пальцах фужер и, допив вино до дна, сразила Вовку ошеломляющей новостью:

– Чтобы Августу жениться, ему вначале нужно со мной развестись.

Вовку от услышанного признания Лары, как током ударило. Внутри у него, что – то перевернулось, но своё оцепенение ей не показал.

– Да, да, дорогой! Чтобы удочерить Надежду мне пришлось с Августом заключить фиктивный брак. И этому поспособствовал ты, когда привёл его ко мне первый раз в гости. Он был добрым мужем и папой. И чем ещё я ему благодарна, Август никогда не стремился попасть ко мне под одеяло. Это благородный мужчина и человек слова. Всю свадьбу Надежды с лёгкостью вынес на своих плечах. А с Люсей, на которой он собирается жениться, у них счастья не будет.

Колчак пригубил вино и поставил фужер на стол:

– Я обратил внимания на их разницу в возрасте. Но это сейчас вроде модно. Особенно в артистической среде.

– Вовка, Люся Глухова моя ученица. Ей было не под силу закончить одиннадцать классов. Это пустая и изнеженная конфетка. И в какой фантик бы её Август не нарядил, начинки вкусной в ней не будет. Как ты знаешь, Август, тоже не имеет среднего образования, но он за счёт, своей хватки, эрудиции, достиг в жизни многого. Разве может быть союз грецкого ореха с семенем подсолнуха? Она же без него ходит постоянно с кульком по городу и грызёт семечки. Я ей делала уже замечания по этому поводу. А она только угу, – угу. На следующий день смотрю опять с кульком.

Лара замолчала и, остановив внимание на бокале Колчака, спросила:

– Вовка, ты, почему вино не выпил? – Оно изумительно, словно нектар!

Ему и раньше нравилось, когда она его называла Вовка. Это всегда было знаком её хорошего настроения, и доброго отношения к нему.

– Лара, вы на меня, пожалуйста, не обращайтесь? Я сегодня употребил уже его, достаточно с Марексом, а мне жену идти встречать надо. Не хочу перед ней под хмельком появляться.

Она положила ноги на диван и поджала их под себя, наполовину оголив свои нежно – глянцево-розовые ляжки.

– Тогда и я не буду больше пить, – обидевшись, сказала она. – Колчин, ты меня ставишь в позу нищей. Принёс замечательное вино, конфеты. Вы Лара пейте, а я смотреть буду. Культура питания заключается в том, чтобы пить не одному и обязательно в меру. Бутылка большая мы с тобой выпьем по фужеру ещё, и я, её поставлю в холодильник до следующего твоего прихода.

От такого натиска Колчак не устоял. Он, молча, допил свой фужер, бросил конфетку в рот. Следом наполнил оба фужера.

Она одобрительно посмотрела на него и сказала:

– Мне нравятся понятливые мужчины, а ты всегда был умненьким мальчиком.

– А сейчас вы хотите сказать, что я вырос понятливым мужчиной? – продолжил он её мысль, смотря на её точёные ноги.

– Ты знаешь, Вовка, каким мальчик растёт в детстве, таким он будет и в зрелом возрасте. Если он в школе был бестолочь, даже допускаю правдами и неправдами он получит высшее образование. Всё равно по жизни бестолочью и будет прозябать. Ты домашние уроки редко выполнял, а учился неплохо. Я замечала за тобой в школе, когда объясняла новую тему. Ты всегда витал, где – то в облаках, явно не слушая меня, а вызову тебя к доске, ты без запинки отвечал. Учил бы ты домашние задания, у тебя успеваемость была не хуже Нади и Фомина. Кстати, ты видал его?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.